

P67

И ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РОМЭН
РОЛЛАН

ЛЮБОВЬ и СМЕРТЬ

сложарский

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД

1925

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РОМЭН РОЛЛАН

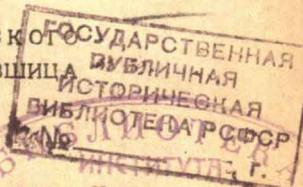
Р67

84-2

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЭПОПЕЯ
В ДВЕНАДЦАТИ СЦЕНАХ

ПЕРЕВОД с ФРАНЦУЗСКОГО
А. Н. ГОРЛИНА и Б. К. ЛИВШИЦА

КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

ИНВ 42394

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

ПРЕДИСЛОВИЕ.

«Любовь и Смерть» — лишь одна из створок моего полиптиха Революции.

Вот уже более четверти века, как я задумал и набросал в общих чертах план этой драматической эпопеи. Обстоятельства вынудили меня прервать мою работу. Но я никогда не расставался с мыслью довести ее до конца.

В 1900 году, присутствуя изо дня в день на репетициях «Дантона» и в то же время работая над моим «14 июля», я писал:

«По мере того как я погружаюсь в этот мир скорби и сверхчеловеческих страстей, я чувствую, что мой замысел разрастается в большую драматическую поэму, где в смене упоительно-хмельных или зловещих событий предстанет выступивший из берегов океан: Плиада французского народа. Никогда еще человеческая совесть не испытывала более сильных потрясений. Никогда еще не представлялось возможным заглянуть так глубоко в бездну человеческой души. Никогда еще незримые существа и чудовища, обитающие в области нашего подсознания, не выплывали так явственно из мрака, как в это великодушное и, словно удар молнии, ужасающее мгновение. Мне хотелось бы, поэтому, попытаться создать не просто героическую драму, относящуюся к минувшей эпохе, но дать картину смертельной схватки человеческих страстей, достигших наивысшего напряжения».

В соответствии со своими обычными приемами работы, я предоставил замыслу бродить и отстаиваться

внутри меня, как всегда, прежде чем приступить к созданию дела цикла, выжидая, чтобы произведение завершило свое развитие по собственным своим законам и во всех своих частях. В данный момент это стало почти законченным фактом. Моя эпопея медленно созрела, в то время как я вспахивал смежные поля, работая над «Жан-Кристофом», «Колл Брешноном», и уже приступал к «Очарованной душе». Успею ли я до конца моих дней сжать и убрать весь мой хлеб? Не знаю... Да это и не так существенно. Довлеет дневи злора его. Я не хочу приподымать здесь завесу над целым рядом только намеченных произведений, образующих задуманную мной драматическую эпопею Революции. Всякий, кто знаком с процессом художественного творчества, знает, что нельзя сдирать кожу с еще не созревшего плода. Произведение, с которого его творец и господин преждевременно срывает покров, перестает, подобно жене царя Кандава, принадлежать ему. Пускай же укрывает художник свое детище от всякого постороннего взора, пока оно не будет совершенно закончено!

Скажу лишь, что этот двенадцатистворчатый полиптих, предоставляющий сатире место рядом с драмой и на фоне грозных событий позволяющий разыгрываться пасторали, хотел бы быть, по мысли автора, симфонической картиной народного урагана. Вначале, на фрагонаровски-безмятежном небе Эрменонвиля¹, в последние дни предтечи и тайновидца Революции уже обозначается на горизонте первое облако, предвестие грядущей социальной бури. Оно быстро надвигается, оно сметает со своего пути все

¹ Деревня в 50 километрах от Парижа, в которой провел свои последние годы и умер Жан-Жак Руссо.

Прим. перев.

преграды с веселой резвостью «14 июля», этой оды, славословящей Радость. Оно пробуждает демонов, уснувших в глубине человеческого сердца, и уже никто не в состоянии справиться с его разрушительными силами, выпущенными на волю «Учеником-чародеем». Оно громоздит Пелион на Оссу, погребая под рушащимися глыбами жирондистов, кордельеров, якобинцев, сраженных гигантов, Дантона и Робеспьера: «Волки», «Торжество разума», «Дантон» — все это части единой драмы, которые должны быть дополнены «Робеспьером». И, уничтожив прошлое и его разрушителей, оно что есть мочи мчится прочь от полей, охваченных пламенем и дымом. Красная туча скрывается из виду где-то далеко от обновленного ею мира, между тем как в эпилоге, разыгрываемом по окончании Революции, горсть изгнанных из императорской Франции роялистов, даревбийд, примирившихся врагов, нашедших себе пристанище в одной их швейцарских доли, на другом склоне Юры, вкушает сладость мира, проникшего в их бурные души, и наслаждается извечным безмолвием неба: оно, ведь, общее достояние.

Если в последнее время, несмотря на новые задачи, стоящие передо мной, я вернулся к прерванной работе, то сделал это только вследствие настояний моих заграничных друзей. Ураган, пронесшийся над Францией 93-го года и оставивший за собою огненный, постепенно потухающий, след, помчался на восток и разразился над равнинами Германии и России. Сонм крылатых духов, прилетевших с запада, тревожит сознание других народов, в то время как наш, охмелев от слишком крепкого вина свободы, продолжает спать мертвецким сном. Страстные стремления участников Конвента, к которым мы совсем остыли, оживают еще с большей силой в сердцах этих народов.

И Берлин и Москва признали их своими собственными чаяниями. Представления «Дантона» в рейнгартовском «Circus-Theater», последовавшие непосредственно за революционными боями на улицах Берлина, произвели колоссальное впечатление на публику именно потому, что спектакли эти казались историческим эхом современных событий. Равным образом, «Волки» всколыхнули в сознании не одной сотни людей в Германии, Чехо-Словакии, России и за последние месяцы даже в пораженном землетрясением Токио — трагическую проблему, снова ставшую современной, проблему столкновения личности с интересами государства, конфликта между *salus publica* и *salus aeterna*. Европеец в высшем смысле слова, Стефан Цвейг, вот уже пятнадцать лет остающийся мне верным другом и лучшим советником, неустанно напоминал мне, как об одной из первых моих задач писателя, о том, что я обязан быть каменотесом, ломающим кровавую гору Революции. Лишь недавно я опять возил свою кирку в скалистую почву, и вот первая глыба, которую этой весной мне удалось отломить. Я надписываю на ней имя Цвейга, ибо без него эта глыба продолжала бы недвижно лежать в недрах земли.

* * *

Всякий кто хорошо знаком с Французской революцией, не может с первого же взгляда не узнать исторические личности и действительные события, послужившие темой моей драме. Мемуары Луве поведали миру чудесную историю этого преследуемого по пятам врагами и покинутого всеми друзьями эмигранта, который, считая себя погибшим, возвратился из Жиронды прямо в объятия смерти — в Париж и пронес через всю Францию свою уже оцененную правительством голову,

чтобы, прежде чем сложить ее на эшафоте, прикоснуться поцелуем к устами любимой женщины.

В чертах Софи де Курвуазье промелькнет за легкой дымкой облик Софи де Кондорсе, меланхолическая грация подруги Кабаниса. Жером де Курвуазье своим именем и характером вызывает образ двух жертв террора: последнего из энциклопедистов и гениального Лавуазье, — но на первый план выступает гордая личность Кондорсе, который, укрывшись в своей мансарде и решив умереть, набрасывал, прежде чем принять яд, свое «Credo», вошедшее в «Успехи человеческого разума» и завершающееся возгласом, полным веры: «Наука победит смерть». Это — «вулкан под снегом», говорил про него Даламбер... Действие драмы открывается сейчас же вслед за ужасной зимой 1793 года, когда под лучами мартовского солнца едва начинает оттаивать снег. Но тайный огонь тлеет во всех сердцах, скованных ледяным покровом, и определение Даламбера может служить характеристикой для них всех. Я мог бы взять его в качестве заглавия настоящей пьесы.

Прошу историков простить мне те вольности, которые я разрешил себе по отношению к своим героям (в особенности — в рассказе Курвуазье о заседании Конвента). Уже неоднократно — в «Народном театре», в предисловиях к «Театру революции» и, совсем недавно, во вступлении к американскому изданию «Маркизы Монтеспан» — я излагал свою точку зрения на отношение художника к истории. Она является для меня вмес­ти­ли­щем страстей и сил природы. Я черпаю оттуда все, что нахожу нужным. Я снова вывожу из могилы человеческих хищников, тысяче­го­ло­во­го зверя, вечный Народ и его подневольных укротителей. Я несколько не забочусь о внешнем сходстве моих героев с их историческими прообразами: они, ведь, вечны. Я вспоминаю о высоком уроке, преподанном

Микель-Анджело, когда он ваял — не Лаврентия Медичи — а Мыслителя: «Через столетие он станет похож!»

Назначение искусства — исполнять, если оно только может, кантату «для всех времен». Художественное значение истории не столько в событиях, действительно имевших место, сколько в драме, не перестающей разыгрываться на глазах всего человечества. Смерть 93-го года еще носится по земному шару. Мы слышим, как трещат соседние леса. Нам самим, во время дела Дрейфуса, пришлось столкнуться со своими «Волками». На одном из спектаклей Народного театра Люме, в Париже (на котором выступал с речью Жорес), я прислушивался к разговорам зрителей, наивно старавшихся узнать в лице Дантона, Робеспьера, Вадье и прочих — Жореса, Гедэ и некоторых других современников, которых я не хочу называть... И разумеется, им это удавалось. Впоследствии наши полубог и наши минотавры испытали ряд еще более поразительных перевоплощений в Московском государстве. Это — вечно возрождающиеся основные стихии человечества, беспрестанно являющиеся нам во всем неисчерпаемом многообразии обличий Протея: они-то и представляют, на мой взгляд, главный смысл и главную прелесть истории. Несравненно большее значение, чем отдельные личности, — чем эти эфемериды, телесная оболочка которых истлела в земле, — имеют для меня силы, избравшие некогда своим местопребыванием эти тела, а ныне принявшие какие-то иные формы.

Но мне, кроме того, хотелось передать в моем произведении характер, специфически свойственный изображаемой эпохе, ибо каждая эпоха носит на себе особый отпечаток. Я старался, поэтому, сообщить своим драмам, посвященным Революции, ту стилистическую окраску, которой был отмечен тогдашний способ

выражения. Я не закрываю глаз на трудности, связанные с пользованием этой устарелой формой, рискующей быть ложно понятой некоторой частью зрителей и исполнителями. Пламенная риторика Жан-Жака, введенная в русло Робеспьером или влившаяся в стремительно-бурный, переполненный дымящимися отбросами фабричных спусков поток красноречия Дантона, требует от читателя и от актера умения справляться с чрезмерно-напыщенной округленностью выражений, умения почувствовать и передать биение подлинной жизни в перипетиях, звучащих слишком литературно. Этот ораторский язык сплошь и рядом дает повод к ошибкам, допускаемым еще чаще, чем нашими актерами, исполнителями-иностранцами, ибо им не может не оставаться чуждым инстинктивно-врожденный нам особый способ выражения наших чувств. Впрочем, и у нас можно указать немало крупных промахов в этом отношении. Даже Тэн, со всем его искусством, не сумел (быть может, потому что не хотел) нащупать под покровом академически-напыщенных и размеренных речей или в чаду бурных словопреений — огнелюбивые страсти и потрясающую искренность ораторов Конвента, державших в одной руке секиру, а в другой — собственную голову! Чтобы понимать эту музыку, необходимо уметь распознавать в каждом из ее аккордов весь гармонический ряд: ненависть, любовь, смерть... Приблизьтесь к ней вплотную, — вас также охватит лихорадка.

«Все мое королевство за коня!» — восклицает в битве горбатый деспот Ричард.

Надвигается грозовая туча... Всю жизнь за вспышку молнии!

Я умираю, сраженный. Я победил!

Ромэн Роллан.

Август 1924 г.

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЭПОПЕЯ
В ДВЕНАДЦАТИ СЦЕНАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

Жером де Курвуазье, член Конвента, 60 лет.

Софи де Курвуазье, его жена, 35 лет.

Клод Вале, жирондист, эмигрант, 30 лет.

Лазар Карно, член Комитета Общественного Спасения, 41 г.

Дени Байо, 65 лет.

Орас Буше, 25 лет.

Лодонска Серизье, 25 лет.

Клориса Суси, 17 лет.

Крапар, уполномоченный Комитета Общественной Без-
опасности.

Тимолеон, Дусен, Ослиная Шкура.

Гвардейцы и вооруженные люди.

Действие происходит в Париже, у Курвуазье, в конце марта
1794 года.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Гостиная в стиле Людовика XVI с большими окнами и стеклянными дверьми, в бельэтаже, в трех ступенях над уровнем земли.

В глубине сцены, посредине, настесь распахнута стеклянная дверь в сад, куда ведут три ступени. Небольшой садик залит лучами заходящего солнца. В раскрытую дверь видны: куст сирени в цвету и, поодаль, каменная ограда, отделяющая сад от улицы. Ограда невысока: ребенок, взобравшись на тумбу в правом углу ее, мог бы видеть все, что происходит на улице. Поверх ограды, медленно угасая, розовеет вечернее небо.

В самой гостиной

Налево: две двери,—одна у рампы, другая ближе к саду. Когда вторая дверь открывается, в нее видна часть спальни. Посредине левой стены, между двумя дверьми, высокий мраморный камин с большим зеркалом и бюстом Вольтера. Налево от каминя—бюро в стиле Людовика XVI. Еще левее, между бюро и дверью, примыкающей к рампе, расставлено несколько низеньких кресел и стульев, образующих интимный уголок. Выступ каминя, бюро и японские ширмы защищают эту часть гостиной от нескромных взоров со стороны сада.

Направо: дверь—напротив двери левой стены, той, которая ближе к саду. Когда она открыта, в нее видны: стена винтовой лестницы, ведущей на улицу, часть площадки и первые ступени. Напротив каминя окно с видом на улицу. По обеим сторонам окна два больших портрета XVIII века: владелец дома и его жена; Софи де Курвуазье изображена в двадцатилетнем возрасте, в виде пастушки на фоне мифологического

пейзажа; ее муж в домашнем костюме à la Дидро, с обнаженной шеей и повязкой, в виде чалмы, вокруг головы; он сидит за столом, со взором, устремленным куда-то в пространство. Оба портрета словно находятся в безмолвном общении с бюстом Вольтера, улыбающимся на камине. Большой клавесин, под портретом Софи де Курвуазье (висящим ближе к рампе), в сочетании с несколькими сиденьями, образует другой уголок для интимной беседы.

Вся обстановка, в целом, производит впечатление выдержанного стиля и изысканного вкуса и привычки к роскоши, но вместе с тем носит на себе заметные следы переживаемого времени: на всем лежит печать нужды, беспорядка и запустения. В огромном камине нет ни полена: лишь к концу действия в нем вспыхнет скудный огонь. Бюро и стол завалены горами бумаг и заставлены кофейными чашками. В люстре нет свечей. Сцена, вскоре после поднятия занавеса, будет освещена лишь факелом.

В начале действия, две молодые женщины (Софи де Курвуазье и Лодонска Серизье), юная девушка (Клориса Суси), молодой офицер (Орас Буше) и пожилой мужчина (Дени Байо), держась за руки, кружатся хором вокруг цветущего куста сирени, распевая песенку Гретри: «Вернулась к нам невинность».

Дени Байо

(задышавшись, пытается вырваться из круга).

Пошадите, молодежь!

Клориса, Лодонска, Орас.

Нет, нет, еще разок!

(Старику удается высвободить одну руку, но его держат за другую, и он вырывается на сцену, увлекая за собой всю компанию, продолжающую петь. Он тяжело опускается в кресло, и, в то время как он, смеясь, старается перевести дух, трое молодых людей начинают кружиться вокруг него, насмешливо напевая другую хороводную песенку Гретри: «В честь насаждения древа свободы». Клориса, продолжая петь, возлагает на голову старика ветку сирени в виде венка.)

Клориса, и Лодонска, Орас (поют).

Весна!.. Воспряньте ж духом вновь,
В ком старческая стынет кровь!..

Венками дети в честь весны
Украсят ваши седины...

Софи.

Сейчас освобожу вас, мой друг. Ну, сорванцы, дайте нам перевести дух! Пляшите, прыгайте, кружитесь, сколько хотите, а мы, старики, выходим из круга.

Дени.

Протестую! Здесь только я старик.

Софи.

Эгоист!

Орас, и Лодонска.

Все мы протестуем! Вы смеетесь над нами!

Софи.

Я уже прошла половину жизненного пути.

(Денису Байо.)

Протестуйте, сколько хотите, я все-таки ближе к вам, чем к ним.

Дени Байо.

Ну, что ж: так и быть, больше не возражаю. Нашего полку прибыло!

Лодонска.

Но мы-то, мы на это не согласны! Нет, нет, вы — наша. Вы моложе всех нас!

Софи

(показывая у себя на виске седую прядь).

Смотрите, какая седина!

Лодонска.

Нашли чем хвастать. Всякий из нас, поискав у себя, найдет не меньше.

Орас.

У меня есть.

Лодонска.

И у меня.

Клориса.

И у меня.

Все

(со смехом).

Неужели?

Клориса.

Честное слово. Вот седой волос.

(Показывает.)

Софи.

Это светло-русый.

Клориса.

Нет, седой.

Орас.

У кого их не найдется после всего, что пришлось пережить за последние пять месяцев!

Лодонска.

Пять месяцев! Помножьте это на два.

Клориса.

На три!

Орас.

Нет, я имею в виду только эту зиму! Об остальном...

Дени.

Об остальном лучше и не говорить.

Клориса.

Ах, сколько пришлось выстрадать!

Лодонска.

По целым неделям без огня!

Дени.

Ни дров, ни хлеба!

Клориса.

Иногда было так холодно, что по утрам у меня не хватало решимости встать с постели.

Лодонска.

Я замерзала в своей кровати. Она теперь слишком велика для меня.

Орас

(многозначительно взглянув на нее).

Придется еще кого-нибудь поместить в ней.

Дени.

Однажды я простоял шестнадцать часов на набережной Берси, от семи вечера до одиннадцати утра,

на холодном ветру, ожидая выдачи мешка дров и мешка муки. Их пришлось везти домой на тачке. Была гололедица, и я два раза упал.

Софи.

Что тяжелее переносить: голод или холод?

Лодонска и Клориса.

О, конечно, холод!

Орас.

А по-моему — голод.

Лодонска, Клориса и Софи.

Холод, холод, холод!

Орас.

Голод, голод, голод!

Лодонска.

Обжора!

Клориса.

О, в те дни, я тысячу раз предпочла бы не иметь ни крошки хлеба, лишь бы на пять минут почувствовать свои ноги в тепле.

Лодонска.

Да, в ту пору я не нарадовалась бы теплу.

(Орас смеется.)

Вы смеетесь, варвар этакий... О, вы не знаете, что такое холод!

Орас.

Когда я был в мозельской армии, мне приходилось спать на снегу. Правда, иногда мы поджигали какой-нибудь ветхий домишко, чтобы согреться.

Дени.

А как же его обитатели?

Орас.

В такие мелочи мы не вникали.

Клориса.

Когда мне было так холодно, я ничего — да, да! — я ничего не имела бы против того, чтобы меня сожгли живьем.

Лодонска.

Подумать только, что адом называют место, где так тепло!

Орас.

Ад — это когда надо воевать, ничего не имея в желудке.

Лодонска и Клориса.

Нет, ад, это — холод!

Орас.

Нет, голод.

Софи.

Мы испытали и то и другое. Бросьте спорить.

Клориса.

До чего это было мучительно долго! О, эта зима, которой, казалось, не будет конца!

Софи.

Но она все же кончилась. Не стоит вспоминать о ней. Будем наслаждаться солнечными днями!

Дени.

Сегодня — первый весенний день... Как это мило, дорогой друг, что вы пригласили нас отпраздновать его в вашем саду.

Лодонска.

Отпраздновать весну, пробудившуюся в расцветшем кусте сирени!

Софи.

Могла ли я одна наслаждаться этим? В наши дни, когда всем живется так трудно, всякий должен делить с друзьями крохи счастья, выпадающие ему на долю.

Лодонска.

Да, счастье теперь стало редкостью!

Дени.

Счастье? Мы забыли, что означает это слово.

Клориса.

Как давно мы уже не смеялись!

(Заливается слезами.)

Софи.

Голубушка, милая, что с вами?

Клориса.

Разве мы в праве смеяться?

Дени.

Да, мы слишком много выстрадали.

Софи и Клориса.

Разумеется, в праве. Это даже наш долг, дорогая.

Клориса.

Сколько потерь у каждого из нас!

Лодонска.

У меня.

Клориса.

У меня.

Дени.

У меня.

Софи.

Тс!... тс!..

Орас

(Лодонске).

А о тех, кого вам еще предстоит потерять, вы не думаете?

Лодонска.

Те, кто теперь мне близки, пусть останутся со мной. Я не хочу терять их. Нет, не хочу, не хочу!

Орас.

Тогда нечего больше думать об умерших. Идемте танцевать!

Лодонска.

Идем, коварный человек!

О р а с
(Клорисе).

И вы тоже, дружок.

(Клориса в нерешительности смотрит на Софи.)

С о ф и.

Идите, дитя мое.

О р а с.

Ну, опять хоровод!

(Все трое спускаются в сад и возобновляют хоровод. Дени и Софи остаются сидеть в гостиной, в левом углу сцены, между бюро и дверью, у самой рампы.)

Д е н и.

Всякий скорбит о своей утрате: одна — об умершем женихе, другая — о муже, а я — о своем покойном сыне. Но жизнь громко заявляет о своих правах...

С о ф и.

Даже вы это чувствуете, мой друг?

(В течение первой половины этой сцены, Софи, в отличие от повышенной нервности остальных действующих лиц, все время сохраняет ясное и спокойное расположение духа.)

Д е н и.

Даже я... Мне стыдно.

С о ф и.

Вы далеко не единственный. Послушайте!

(За оградой сада, на улице, раздаются голоса, пение, слышны звуки скрипки, флейты, тамбурина, радостные крики.)

Д е н и.

Да, в этой толпе, движущейся с песнями, нет ни одного человека, на долю которого не выпало бы

тяжких испытаний, нет ни одного, кто не понес бы тех или иных жертв, не потерял бы благодаря войне или революции, кого-нибудь из близких, нет ни одного человека, которому завтрашний день сулил бы меньше тревог и терзаний, чем вчерашний.

С о ф и.

Потому-то они и поют: они стараются об этом не думать.

Д е н и.

Но их мысль, несмотря на все, невольно возвращается к этому. Вот, взгляните!

(Молодежь в саду прервала хоровод.)

О р а с.

Что там за крики, на улице? Прислушаемся.

(Они умолкают, прислушиваясь. С улицы доносится выкрик продавца газет.)

О р а с

(повторяя за ним).

«Вестник Равенства»... Большое сражение у...
Неприятель у...»

(Он бежит к ограде, взбирается на тумбу и, перевесившись всем телом, подзывает газетчика.)

Эй!.. Гражданин... Благодарю вас!

(Возвращается с газетой. Лодонска и Клориса теснятся к нему, желая скорее ознакомиться с ее содержанием.)

О р а с.

Королевские отряды стягиваются и перегруппировываются на всем протяжении от Мааса до Рейна. Республика должна будет ответить на это огромным

напряжением своих сил. С наступлением весны возобновляются военные действия. Мне придется принять в них участие.

Лодонска.

Нет, нет! Я этого не хочу!

Дени.

Кто мы такие, чтобы говорить: «хочу» или «не хочу»?

Орас.

Этого требует родина.

Клориса.

Родина? Скажите лучше: эти ужасные люди!..

Лодонска.

Да, Комитет Общественного Спасения.

(Софи прикладывает палец ко рту. Все опускают головы.)

Орас.

Он прав.

Дени

(кашляет).

Он сильнее всех.

Клориса.

Он в роде людоеда. Он нас всех сожрет.

Лодонска

(ладонью прикрывает ей рот и обращается к Орасу).

Но, ведь, вы не сейчас же отправляетесь? Не сейчас же вы уезжаете, Орас?

Орас.

Полагаю, что нет. Разве только какой-нибудь неожиданный приказ.

Лодонска

(как и все, за исключением Софи, проявляет повышенное, немного лихорадочное возбуждение).

Сколько вы думаете здесь еще оставаться?

Орас.

Быть может, месяц.

Лодонска.

О, если месяц... Это дела вечность.

Дени.

Счастливая юность! Чего не отдаст она за месяц счастья!

Клориса.

Я тоже молода! А у меня его не было, этого месяца, у меня его не было... Что месяц!.. Хотя бы день, один только день настоящего счастья!

Софи.

Успокойтесь, дорогая: вы будете счастливы не один месяц, а гораздо больше. У вас вся жизнь впереди.

Клориса.

Нет, нет, жизнь слишком коротка.

Софи.

Я старше вас вдвое.

Клориса.

Да, в ваше время это было так. А теперь все изменилось. Кто уверен в завтрашнем дне?

Лодоиска.

В сегодняшнем я уверена.

(Смотрит на Ораса.)

Орас

(берет ее за руку и говорит вполголоса).

Сегодня ночью...

(Клориса, до слуха которой долетела эта фраза, смотрит на обоих злыми глазами.)

Лодоиска

(заметив брошенный на нее взгляд, идет, улыбаясь, к Клорисе, сидящей на коленях у Софи, и хочет приласкать ее).

Мой ангел!

Клориса

(гневно отстраняя ее).

Нет, оставьте меня!

(Убегает в сад.)

Лодоиска.

Что с нею?

Софи

(с оттенком дружеского упрека).

Не вам об этом спрашивать.

Орас.

Она завидует нам.

Дени.

Не одна она.

Софи

(с улыбкой Дени и Орасу).

Ступайте, утешьте ее.

(Лодоиске.)

Нет, не вы... эгоистка! Вы — оставайтесь.

(Дени и Орас уходят. Софи и Лодоиска остаются одни. Софи сидит в кресле. Лодоиска, сияя от счастья, бросается к ногам Софи и сжимает ее в объятиях.)

Лодоиска.

Да, я эгоистка, эгоистка, эгоистка! Я не хочу отказаться от эгоизма, раз это приносит мне столько счастья! Браните меня сколько хотите.

Софи

(улыбаясь).

Это не привело бы ни к чему.

Лодоиска.

Но это было бы нелишним... Это дало бы мне острее почувствовать мое счастье... Нет, не сердитесь на меня! Я, ведь, так страдала, так страдала, когда смерть вырвала у меня из объятий моего Гектора, моего дорогого мужа!.. Ах, сколько я пролила слез!

Софи.

Когда это было?

Лодоиска

(наивно).

Полгода... нет, пять месяцев назад... Да, в октябре! Я больше не хотела жить. Все было кончено для меня.. А теперь... все начинается...

(Спохватываясь.)

Все опять начинается... Бедняжка Гектор!... Дорогой Орас!..

Софи.

Все герои древности...

Лодонска.

Замолчите!.. Порою мне кажется, что это одно лицо... Я не хочу, чтобы вы надо мной насмеялись.

Софи.

Я не насмехаюсь...

Лодонска.

Я уверена, что мой Гектор радуется вместе со мною... Вы улыбаетесь?..

Софи.

Вы, ведь, тоже улыбаетесь.

Лодонска.

Нет... Впрочем... Ах, моя милая, моя добрая Софи, как легко поддаемся все мы самообольщению! Я испытываю такую острую потребность в радости, что мне хочется, чтобы и он радовался вместе со мной! Я отлично знаю, что он уже ничего не чувствует. Но я-то, я, оставшаяся в живых, скажите, разве я погрешаю перед ним тем, что мне хочется взять от жизни хоть немного радости? Как вам кажется: рассердился бы он на меня, если бы узнал об этом? Нет, нет, он должен быть счастлив моим счастьем. Не правда ли? Ведь, он меня любил!.. И кроме того, ведь, он мертв!.. Бедняжка Гектор!.. Ах, как хороша, как хороша жизнь!

Софи.

Смотря—что называть жизнью. Для вас жить значит любить.

(В исполнении нежности диалоге обеих женщин, у Лодонски, когда она восхищается благоразумием Софи, то и дело проskalывает легкая ирония, а у Софи, слушающей с улыбкой эти похвалы, — едва приметное нетерпение.)

Лодонска.

Только в любви весь смысл жизни... Вы продолжаете улыбаться... Да, вы живете такой безмятежной жизнью. Вы умудрились сохранить ее спокойное течение под натиском революционных бурь, уберечь себя от сердечных тревог. Вы находитесь в исключительном положении. Вы наслаждаетесь безоблачным супружеским счастьем, ни разу не омраченным безрассудной страстью, ясными, дружескими — почти дочерними — отношениями к человеку, благоразумному — как и вы, — известному, всеми уважаемому, с которым едва ли не с детства вас связывают узы благоговейной нежности. Поистине ничем не возмущаемое существование. Как можно этим не восхищаться?

Софи

(с улыбкой).

Однако вы не согласились бы променять свою участь на мою.

Лодонска.

Отказаться от Ораса? Нет, нет! Я не согласна. Каждому свое. Но ваш жребий прекраснее.

Софи.

Он вроде тех красавиц, которым все отдают дань восхищения, но которых по-настоящему не любит никто.

Лодоиска.

Перестаньте! Любая женщина поменялась бы с вами... Но только вы одни способны быть тем, что вы есть.

Софи

(с улыбкой).

Вы повторяете мои слова!

Лодоиска

(не слушая ее).

... Подруга, наперсница... даже вдохновительница великого человека, бывшего другом Вольтера, а ныне — друга Карно...

Дени

(войдя и услышав последнюю реплику).

... принимавшего участие в составлении Энциклопедии, а теперь причастного к деятельности Комитета Общественного Спасения. Да, это исключительная привилегия универсальной личности. Ученый, филантроп, философ, член Академии и Конвента... Славная карьера, начало которой положено еще в эпоху предпоследнего царствования, карьера, стоически пережившая падение королевской власти, приспособляющаяся ко всем режимам, и продолжающая успешно развиваться среди смертельного водоворота политических страстей.

Софи.

Вы не знаете, мой друг, на каких шатких основаниях покоится это кажущееся благополучие.

Дени.

Во всяком случае, нам известно, что оно далеко от всякого эгоизма. Сколько раз нам случалось при-

бегать к влиянию Жерома де Курвуазье то для облегчения нашей материальной пужды, то в критические минуты, когда его заступничество могло спасти друзей, нахотившихся в опасности.

Лодоиска.

Мы также знаем, кому мы обязаны этим заступничеством. Его мудрой подруге.

Дени.

Как вам подходит ваше имя, Софи!

Лодоиска.

Тишайшая волшебница.

Дени.

Пользующаяся над ним безграничной властью.

Лодоиска.

Сколько раз мы к ней прибегали!

Дени.

Как было не прибегать? В эти безумные времена Жером Курвуазье — единственный, кому еще дано играть роль сдерживающего начала над людьми, в чьих руках находится наша жизнь.

Софи.

Увы, эта роль совсем незначительна и с каждым днем становится все слабее.

Лодоиска

(не без некоторой зависти).

Во всяком случае, что бы ни произошло, вы находитесь в безопасности; лично вам ничто не угрожает.

(Клориса входит с Орасом. Они совершенно забыли свое недавнее горе.)

Клориса.

Ах, несчастные, несчастные!

Софи.

В чем дело?

Клориса.

Какие страшные новости!

(Протягивает газету Софи.)

Софи.

Опять эта ужасная газета! Нет, не могу! Следовало бы совсем не читать газет.

Лодоиска.

Не все смотрят на вещи, как вы: другие относятся к этому спокойнее. Понятно, это всегда причиняет боль. Но, ведь, именно к этому стремятся те, которые ее причиняют.

Клориса.

Нет, послушайте только! Это прямо чудовищно. Петيون, Бюзо, Вале...

Софи

(охваченная смертельной скорбью, но подавляя волнение в голосе).

Вале!

(Она поднялась с места. Никто из присутствующих не обращает внимания ни на ее движение, ни на восклицание. Все группируются вокруг Лодоиски, в руках у которой газета.)

Клориса.

Недалеко от Бордо они только что найдены мертвыми, наполовину съеденными волками...

(Среди общего возбуждения никто не замечает волнения Софи, которая тяжело опускается в кресло, не проронив ни звука, не выдав себя ни одним жестом. Общими руками она закрывает лицо и остается неподвижной.)

Орас

(вместе с Лодоиской, Клорисой и Дени, жадно наклонясь над газетным листом, передает в нескольких словах содержание сообщения).

На них вот, уж несколько месяцев, охотятся, как на зверей. Собаки, пущенные по их следам, привели к пещере, в одной из заброшенных каменоломен. В трупе со вспоротым животом и с вывалившимися наружу внутренностями опознали Петiona...

Дени.

И это — наш бывший мэр, некоронованный король Парижа, наш пользовавшийся общими симпатиями президент Национального Собрания?..

Лодоиска

(читает).

Другой... с изгрызанным лицом... Ах, какой ужас...

(Передает газету другим.)

Орас

(продолжая читать).

... с обглоданным носом и ртом... возбудил сомнения... Склонны были предположить, что это Бюзо, но по бумагам, найденным на теле, убедились, что это Вале.

Несчастные!

Клориса.

Дени.

Нечего слишком жалеть их. Они таким образом избавились от гильотины, на которой неделю назад сложили свои головы их друзья—Барбару и Гюаде.

Лодонска.

Да... Но сколько они должны были вынести страданий прежде чем умерли?

Орас.

После смерти все равно...

Дени.

Дело должно было кончиться таким образом... Это было безрассудное восстание...

Клориса.

Недавно вы их одобряли.

Дени.

Никогда!

Клориса.

Я сама слышала...

Дени.

Никогда!

Клориса.

Вы ими всеми восхищались.

Лодонска.

Перестаньте спорить, детка!

(Короткая пауза.)

Дени

(покашливая).

Они обманули всеобщие ожидания. Все считали их сильнее. К чему восставать, когда не чувствуешь за собой никаких сил?

(Короткая пауза. Софи отняла руки от лица и продолжает неподвижно сидеть в кресле, поборов свое волнение и глядя куда-то вперед, с застывшей на лице искусственной улыбкой.)

Клориса.

Бедняжка Вале! Ему не было и тридцати лет!

Лодонска.

Я танцевала с ним весною минувшего года. Он был также и ваш друг, Софи?..

(Софи никак не реагирует на эту реплику, и Лодонска, слишком возбужденная, чтобы заметить состояние, в каком находится Софи, продолжает.)

Как он отлично танцевал!

Клориса.

А как он прекрасно читал стихи Флорана!

Лодонска.

А какой он был храбрый! Как сейчас, я вижу его с развевающимися волосами, когда во главе батальона федералистов он проходил церемониальным маршем после штурма Тюильрийского дворца!

Клориса.

Мы считали для себя радостным событием, когда нам удавалось понасть на какое-либо его выступление в Собрании.

Орас.

Он умел быть язвительным и беспощадным. У него всегда находилась про запас какая-нибудь жестокая насмешка, заставлявшая Робеспьера мигать от ярости за своими очками. Когда он обрушивался на своих противников, трибуна и зал заседаний покатывались от хохота и сотрясались от криков.

Лодонска.

В такие минуты я смотрела на его уста.

Орас.

Лодонска, я ревную!

Дени.

Ревнуете? К обглоданным устам?

Лодонска.

Ах, что за ужас!.. Но почему, почему ринулся он, очертя голову, в водоворот политики?

Орас.

У каждого есть своя честолюбивая мечта...

Лодонска.

Не лучше ли было бы всецело отдаться любви?

Орас.

Все мы желаем спасти родину.

Лодонска.

Я хочу, чтобы прежде всего ты спас меня!..
Надо спасать то, что любишь!

Дени.

Прежде всего, надо спасать самого себя...

(У присутствующих вырываются возгласы возмущения.)

Да, вы возмущаетесь. Но доживите, молодые люди, до моих лет, и тогда вы увидите... Честолюбие и любовь — вещи прекрасные, но все это не надолго. Единственное, что остается нам до конца наших дней, это мы сами. А сберечь себя теперь дьявольски трудно!

Орас.

Да, сохранить свою жизнь стало в наши дни делом нелегким. Мы, новое поколение, навряд ли успеем изучить это искусство.

Клориса.

Но я этого хочу, я этого хочу!

(К Дени.)

Вы откроете мне секрет...

Дени.

Необходимо быть ко всему равнодушным. Надо, дитя мое, либо спокойно взирать на смерть своих близких, либо умереть самому: другого выхода нет.

Клориса.

Я не хочу умирать!

(Клориса, Дени и Орас, беседуя и смеясь, отходят в сторону. Около Софи остается только Лодонска. Обе женщины сидят в углу залы, между бюро и рамной, так что их не видать из сада.)

Лодонска.

Молчаливица Софи, вы предоставляете нам говорить, без конца говорить, вы предоставляете нам

шутить и смеяться, а сами, благосклонная и немного чуждая зрительница, продолжаете оставаться неподвижной, как бы облокотясь на перила балкона, и с безмолвной улыбкой смотрите издали своими серыми глазами на все наши волнения. Как вы спокойны, как вы спокойны!

Софи

(не меняя позы и не повышая голоса).

Да, мое спокойствие есть спокойствие безмерной скорби!

Лодонска

(пораженная).

Софи!..

(Пауза.)

Что вы говорите?..

(Пауза)

Что вы сказали?..

(Софи не отвечает, оставаясь сидеть на диване, но Лодонска, наклонившаяся к ее лицу, чтобы рассмотреть его выражение, порывисто бросается к ней.)

Лодонска.

Вы плачете, мой друг?

(Софи рукой закрывает ей рот, чтобы Лодонска замолчала.)

(Пауза.)

(Софи ищет носовой платок, желая утереть слезы. Лодонска своим платком вытирает глаза Софи.)

Лодонска.

У вас какое-то горе? У вас, которая всем представляется воплощенным образом счастья! У вас есть все! Все земные блага: любовь, известность,

влиятельное положение и, наконец, вера в революцию, успеху которой вы с вашим мужем содействовали.

Софи

(сдерживаясь).

У меня нет ничего.

Лодонска.

Нет, нет! Не верю вам!

(Софи делает ей знак молчать. К ним подходит Дени Байю.)

Дени.

Скоро ли вернется Жером из Собрания?

Софи

(опять переходя к тону обычной беседы).

Никогда нельзя заранее сказать, сколько продлится заседание. Иногда мне приходилось дожидаться Жерома всю ночь, до рассвета.

Дени.

Сегодня, казалось бы, нет особенно важных событий...

Софи.

Кто в наши дни может предсказать, что произойдет через час?

(На улице, за садовой оградой, слышно, как проходит шествие: музыка — флейты и барабаны, играющие марш, — громохание повозок, доканье лошадиных копыт, крики толпы.)

Клориса.

— Что там еще?

Орас.

Это новая партия осужденных на гильотину.

(Проводит рукой по шее, подражая взмаху ножа.)

Клориса.

(затыкая себе уши).

Не хочу ничего слышать.

(Но затем отнимает руки от ушей и бежит к саду.)

Орас, пойдем, посмотрим.

(Выходит с Орасом.)

Дени.

Разве теперь осужденных возят мимо вашего дома?

Софи.

Да, на улице Флорантен теперь чинят мостовую.

(Дени, охваченный любопытством, выходит вслед за Клорисой и Орасом.)

Лодонска

(оставшись около Софи.)

Софи, я вам не верю!.. Вы только что сказали...

Софи.

Оставим это!

Лодонска.

Нет, нет, прошу вас! Ведь, я же вам друг!

(Софи показывает ей на дверь, ведущую в сад.)

Лодонска.

Да, эти омерзительные звуки...

(Поспешно устремляется к двери, закрывает ее и возвращается на место. Несмотря на это, все еще слышны, хотя и заглушенные, звуки бурного марша и крики.)

Лодонска.

Скажите, скажите мне!..

(Берет руки Софи и целует их.)

Вы несправедливы, Софи! Разве вам на долю не выпало счастье, какое достается только немногим? Ничто, ведь, не омрачает и теперь вашего брака, вашей любви.

Софи

(с горечью).

Моей любви? Никто меня не любил. Свою молодость, свои лучшие надежды, свою потребность отдать себя другому я принесла в дар человеку, которого я уважала и к которому продолжаю относиться с глубоким уважением и теперь... А что сделал он со всем этим? Он принес меня в жертву своим убеждениям.

Лодонска.

А разве его убеждения не ваши?

Софи.

Ах, какое мне дело до их убеждений! Если они мне были дороги, если мне казалось, что они мне дороги, то лишь потому, что мне были дороги люди, их разделявшие... А к чему это привело? Что стало с ними и со мною?

Лодонска

(пытаясь понять).

С ним, хотите вы сказать...

Софи

(дав, наконец, волю своему чувству).

Я говорю, что ненавижу эти убеждения... Послушайте...

(Несмотря на дверь, заглушающую звуки, с улицы доносятся громкие крики и взрывы хохота. Затем шум замирает, возвращается тишина, и Софи продолжает вполголоса, со сдержанной злобой.)

Я ненавижу все эти убеждения, все эти безумные химеры, которым люди предаются, как какому-нибудь пороку, подтачивающему их существование. Жизнь — вот она вся как на ладони, такая несложная, такая приятная, такая доступная, и стоит только нагнуться, чтобы сорвать этот цвет. А они потеряли всякий вкус к жизни. Их убеждения — мания, отравы, погружающая их в состояние полного оцепенения и смертельной ярости. Они пожертвовали мною ради этих убеждений... Ах, это было бы еще полгоря...

Лодонска

(не отрывая взора от Софи).

В чем же дело?

Софи.

Они принесли им в жертву самих себя.

Лодонска.

Как? Ваш муж?

Софи

Нет, я говорю не о нем.

Лодонска.

Тогда о ком же?

Софи

(как бы с неохотой уступая своему чувству).

Вы слышали... только что... Эти несчастные... эти изгнанники...

Лодонска

(подавляя вырвавшийся у нее крик).

Вале!

(Софи встает с кресла, желая уклониться от ответа. В эту минуту дверь, ведущая в сад, распахивается, и Клориса бежит с криком.)

Клориса.

Отгадайте, отгадайте, кого я видела на повозке?

(Софи отворачивается, а Лодонска движением руки отстраняет Клорису.)

Клориса

(вне себя от волнения).

Нет! Отгадайте, отгадайте, кому они собираются рубить голову!.. Богине разума, их богине разума... этой толстой блондинке, которой они служили мессе... Я сразу узнала ее...

Дени

(философски).

Ну, разум-то они уже давно, загнали к чорту в зубы!

Клориса.

Фи, замолчите! Что за грубые у вас выражения?

(Они продолжают беседовать в глубине гостиной, в левом углу сцены, у двери, ведущей в сад, как будто почувствовав, что они помешали разговору Софи с Лодонской. Последние перешли в правый угол сцены, к рампе, укрывшись за большим клавишином, который заслоняет от них дверь, ведущую на лестницу. Но они сидят напротив зеркала левой стены, в котором эта дверь отражается.)

Лодонска

(снова хватая за руки Софи, которая тщетно старается от нея освободиться, и говорит настойчивым шопотом).

Это Вале?... Софи, скажите, это Вале?

Софи

(которую Лодонска держит за руки, со скорбью отворачивается от нее).

Ах, не терзайте меня, лишний раз произнося его имя!

Лодонска

(выпуская руки Софи, вся проникнутая жалостью).

Ах, бедняжка моя! Могла ли я подумать?... Как мне вас жал! Как это ужасно!.. А мы, сами того не зная, бередили вашу кровоточащую рану... Простите, простите меня! Но кому могло это прийти в голову?... Впрочем, я заметила, с каким теплым чувством вы...

Софи

(страстным шопотом).

Я любила его! Он любил меня! Вся моя жизнь заключалась в нем, и его жизнь—во мне. По крайней мере, так мне казалось. Но это была неправда, ибо он пошел на смерть из-за своих пагубных убеждений!..

Но, если он принес им в жертву свою жизнь, то не пожертвовала ли я им, не пожертвовала ли я собой ради других убеждений?

Лодонска.

Каких других убеждений, Софи?

Софи.

(со злобой).

Ради супружеской чести, которую я всегда соблюдала.

Лодонска.

Софи, скажите мне все!.. Разве вы не были любовниками?

Софи

(с возрастающим возбуждением).

Нет! И именно это приводит меня теперь в такое отчаяние. Тщетно умолял он меня, тщетно подсказывало мне сердце уступить его настояниям. Мысль о Жероме и о данном ему обещании, эта супружеская верность, которую люди соблюдают не столько по сердечному влечению, сколько по привычке, этот безглазый идол, носящий название добродетели,—я посвятила ему все, принесла ему в жертву самое дорогое, что у меня было. А теперь он умер. А теперь я потеряла его! К чему все это привело? К чему?

(Настала очередь Лодонски успокаивать Софи, голос которой, мало-по-малу возвышаясь, переходит в вопль страстного гора. Она делает ей знак поостеречься. Но остальное общество, увлеченное разговором, как будто ничего не замечает.)

(Софи умолкает. Лодонска обращается к ней шопотом. Слышны только голоса и смех трех друзей, стоящих в левом углу гостиной у окна, выходящего в сад.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Внезапно наступает мертвое молчание. Дверь на лестницу открывается лицом к трем друзьям (Дени, Орасу и Клорисе.) Но Софи и Лодонска, сидящие к ней спиной и заслоненные клавесином, не видят ничего из того, что происходит.

Входит какой-то мужчина. На нем обычный костюм якобинцев и шляпа с трехцветной кокардой. Он весь покрыт грязью, вид у него измученный и, вместе с тем, свирепый. Это худощавый молодой человек, мускулистый, с горящим взглядом. Он производит впечатление человека, за которым гонятся по пятам. Быстрым движением распахнув дверь и немедленно прикрыв ее за собой без шума, он прислушивается к тишине на лестнице. Затем он оборачивается и, прислонившись спиной к двери, становится лицом к Дени, Орасу и Клорисе, которые не могли не заметить его появления. Все трое поражены. У них вырывается жест испуга, но они слишком смущены, чтобы выговорить хотя бы слово.

Софи и Лодонска удивлены внезапно наступившим молчанием. Обернувшись к группе, занимающей левую часть сцены, Лодонска видит взволнованные лица, но не понимает, в чем дело. Софи, машинально взглянув в большое зеркало над камином, видит в нем отражение мужской фигуры, прислонившейся к двери. Она срывается с места с криком, на который в общем смятении никто не обращает внимания. Ибо в этот самый момент...

Дени, Орас и Клориса

(вскрикивают).

Вале!

Вале

(не ожидавший встретить их всех).

Дени, Байо... Буше... Клориса... Друзья мои...

(Он говорит хриплым от усталости и волнения голосом. Быстро направившись к ним, он протягивает им руку, которую они нерешительно пожимают. Но глаза его уже ищут за их плечами, по сторонам, по всей гостиной ту, кого он еще не увидел. Вдруг он замечает ее. Все остальное совершенно ступеньвается. Держа руки позади и прислонившись к клавесину, Софи стоит, глядя на пришельца взглядом, полным волнения, страха и счастья. Они оба позабыли обо всем окружающем. Вале стремительно бросается к ней, с распростертыми объятиями. Она тоже кидается ему навстречу.)

Вале.

Софи!

Софи.

Вы живы!

(Он бросается к ее ногам, обнимает их, целует сквозь платье ее колени, целует ступни ее ног; затем, выпрямившись, но продолжая стоять на коленях, он прижимается головою к телу любимой женщины. Она не сопротивляется и гладит его по лицу.)

Вале.

Она! Я снова обрел ее! Она со мною, здесь, в моих объятиях!

Софи

(не делая никакой попытки высвободиться, берет его голову в свои руки, наклоняется к нему и шепчет с нежностью).

Вставайте!

(Вале встает, не отрывая взгляда от Софи. Но, едва поднявшись на ноги, он чуть не падает от слабости. Его поддерживает Софи.)

Софи.

Он сейчас упадет... Орас! Лодоиска!.. Позвольте, друг мой, я вас поддержу... Что с вами? Опирайтесь на мою руку как следует!.. Садитесь... Сюда... в это кресло!..

(Подводит его к креслу в левом углу гостиной, у самой ramпы. Вале сидит лицом к зрителям, спиною к сцене, и поэтому ни он, ни Софи, наклонившаяся над ним, не могут видеть того, что делается позади них. Дени Байо исчезает первым; за ним быстро следуют Клориса и Орас Буше, который, стоя на пороге, делает знаки Лодоиске, чтобы она к ним присоединилась. Лодоиска, в волнении и нерешительности, попеременно смотрит то на Вале, которого поддерживает Софи, то на Ораса. Наконец, приняв определенное решение, она проходит через всю гостиную, желая взять шаль, которую она оставила на стуле в левом углу, в глубине сцены. Все это происходит в довольно короткий промежуток времени, пока Софи подводит Вале к креслу и усаживает его.)

Софи.

(продолжает обращаться к Вале, не замечая того, что делается у нее за спиной).

... Вы страшно устали... Расположитесь поудобнее... Вы ничего не ели... Клориса! Лодоиска! Помогите мне! Друзья мои, подайте мне чашку кофе... Вон там, на столе.

(Удивленная молчанием, она оборачивается.)

Где вы?.. Друзья мои!..

Вале

(сидит неподвижно в кресле и, хотя не видит всего происходящего, сразу соображает в чем дело).

Разве вы не знаете, что я представляю опасность для каждого, кто ко мне приближается.

(Лодоиска, единственная из четырех друзей, замешкавшаяся в поисках шали, еще стоит на пороге двери, когда Софи оборачивается и замечает ее.)

Софи

(в негодовании).

Лодоиска!..

Лодоиска, взволнованная и пристыженная окликом, останавливается, оборачивается и после минутного колебания делает несколько шагов по направлению к Софи, которая, оставив Вале, устремляется к ней навстречу. Лодоиска шепчет в смущении.)

Лодоиска.

(скороговоркой и еле слышно).

Простите!.. Простите меня: я знаю, это трусость... Но сегодня... сегодня, как никогда, мне хочется жить!..

(Последнее слово она выговаривает почти неслышно и стремительно выходит. Софи, на мгновение удрученная, овладевает собою, подходит к столу, наливает чашку кофе и с ломтиком хлеба подает ее Вале.)

Вале

(до этой минуты сидевший неподвижно).

Полюбуйтесь на мое могущество! Куда я ни вхожу, со мною входит страх. Этот несчастный (указывает на себя), не имеющий уже силы держаться на ногах, должен бежать отовсюду, и все бегут от него. Вот уже пять месяцев, как я скитаюсь по Франции, нигде не находя себе убежища. Нас было в Дордони семь эмигрантов: Петтион, Барбару, Бизо, Гюаде, Саль, Валади. Мы стучались в поисках приюта, по крайней мере, к тридцати друзьям. Ни один из них не пустил нас к себе. Мы волочили за собой по пятам тепь гильотины. Наши друзья при виде нас — при виде нас и ее — приходили в такой ужас, что, например,

Один из них, когда мы неожиданно вошли к нему в дом, хотел убить нас, но, сознавая, что ему с нами не справиться, грозил, в случае, если мы не удалимся, покончить с собою.

(Заливается долгим горьким смехом.)

Как-то почью мы шли под проливным дождем по вспаханым полям. Нам пришлось покинуть каменоломни, в которых мы до того укрывались: кто-то донес властям о том, что мы там находимся. У нас оставалась последняя надежда на семью, издавна связанную узами дружбы с моей семьей: в свое время я, в качестве адвоката, спас честь одного из ее членов, которого обвиняли по уголовному делу. Непроглядная ночь. На каждом шагу мы сбиваемся с дороги. Тонем по колено в жидкой грязи. Я ссадил себе ногу выше икры. После шести часов блуждания, выбившись из сил, мы, наконец, достигаем цели. Стучим в дверь. Проходит полчаса — никто не отзывается. Дождь, ветер, у нас зуб на зуб не попадает. Наконец дверь приоткрывается. Я называю себя. Дверь снова захлопывается. Проходит еще полчаса... Я был охвачен сильнейшим ознобом и потерял сознание... После часового размышления нам отвечают испуганным голосом, что нас не могут впустить. Я продолжал лежать без чувств на голой и мокрой земле. Мои спутники кричали в замочную скважину: «Только на какой-нибудь час предоставьте нам кров, чтобы укрыться от непогоды». Нам ответили отказом. «Дайте хоть стакан воды и капельку уксуса». «Нет»... Мы побрели дальше... Будьте вы прокляты, люди!

(Софи, стоя перед Вале, слушает его, застыв от глубокой скорби и сострадания. Вале, сидевший с опущенной головой и со взором, устремленным себе под ноги, изложив свое повествование, мрачным голосом, в котором то и дело прорывались ноты

трудно сдерживаемой ярости и презрения, внезапно поворачивается к Софи и резким, исполненным горечи тоном спрашивает ее.)

А вы... вы не прогоните меня?

Софи

(наклонившись над ним, с нежностью подает ему чашку).

Подкрепитесь, мой друг! Вы так утомлены!

Вале

(не беря у нее чашки, тем же тоном).

Я приношу с собою смерть. Прогоните же меня!

Софи

(подносит чашку к его губам и держит ее, пока он пьет).

Пейте!

(Он с жадностью выпивает кофе и хочет что-то сказать.)

Софи.

Не волнуйте себя разговором... Покушайте... Сначала подкрепитесь немного.

(Несколько минут молчания, в продолжение которых Софи, исполненная материнской жалости, ухаживает за ним и смотрит, как он ест. Вале берет ее руку и прижимается к ней долгим поцелуем. Софи не делает никаких попыток высвободить ее, улыбаясь печальной и нежной улыбкой.)

Софи

(немного погодя, кладет руку на голову Вале).

Как вы попали сюда? Как вам удалось добраться до Парижа?

В а л е.

Садитесь напротив меня, если хотите, чтобы у меня хватило силы вам ответить. Мне нужно все время вас видеть... Ближе! Сядьте сюда!..

(Усаживает ее как можно ближе напротив себя и держит ее за руки все время, пока не кончает своего повествования.)

О, боги! Это она!.. Это не тот неуловимый призрак, вот уж несколько месяцев витающий предо мной!.. Это она... Это она... я чувствую в своих руках ее ладони, ее пальцы, тепло ее тела, сливающееся с моим собственным теплом... Нет, не отнимайте их. Не сталкивайте меня обратно в бездну, из которой я только-что вышел! Держите меня крепче, не ослабляйте пожатия ваших рук. Это они меня спасли!

С о ф и.

О, если бы они действительно могли это сделать... Но рассказывайте, мой друг. В нашем распоряжении так мало времени. Каким образом вы спаслись?

В а л е.

В момент, на котором я прервал свое повествование, в ту минуту, когда жестокосердие и малодушие друзей заставили их отказать нам в чашке воды, которую всякий дал бы томящейся от жажды избитой собаке, — безграничное отчаяние вдохнуло в нас новые силы. Негодование помогло мне прийти в себя. Я подпался, крича: «Прочь, прочь от людей... хотя бы на встречу смерти! Но продолжать скрываться перед этим гнусным отродьем — нет, довольно! Ни в коем случае не сворачивать с дороги! Пройти по их телам или умереть! Никакой середины!» Мы вернулись на большую дорогу. И там, при бледном свете замигавшегося ненастного дня, я стал прощаться со своими

друзьями, поделился с ними несколькими ассигнациями, которые были при мне, распределил между ними сверток с бельем и одеждой, стараясь избавиться от всего, что могло бы оказаться мне в тягость в моем пути, ибо я решил вернуться в Париж. Мои друзья сочли меня сумасшедшим; но ничто не могло поколебать моей решимости, да они не пытались это сделать. Когда все потеряно, с чем еще остается считаться? Дело шло не о спасении жизни, а о том, чтобы снова повидать вас.

С о ф и

(пораженная).

Меня?

В а л е.

Вас! Единственное, что мне дорого на свете! Вас!.. И вам это прекрасно известно. Не к чему нам соблюдать приличия. Приличий больше нет! Ничего не существует, кроме вас! Вас и меня!.. На этой, стрелюю простирившейся, столбовой дороге, дымившейся туманами, покрытой желтою грязью, образ женщины — ваш образ — молнией вспыхнул предо мною. От удара этой молнии я загорелся, как вязанка сухого хвороста. Все остальное исчезло. Осталась одна только мысль: прежде чем отойти в вечное небытие, повидать ее... Глоток горячего вина... Я оцепенел от него. Окопелый, промокший от дождя и дрожа от лихорадки, с распухшими ногами, за минуту до того, едва державшийся на ногах, я вдруг почувствовал, словно меня что-то подымает, толкает, и, преодолевая тяжесть собственного тела, я пустился в путь, задавшись целью добраться до вас. Я думал: «Если я упаду, пусть она, по крайней мере, знает, что я упал с лицом, обращенным к ней». Я находился вблизи Риберака. В кар-

мане у меня был фальшивый паспорт, на котором неоставало отметок местных властей, — впереди, по пути моего следования, лежало свыше двадцати пяти городов. К счастью, крестьяне почти все неграмотны. Я сам фабриковал отметки и необходимые подписи. Мне надо было совершать свое продвижение с таким расчетом, чтобы ночевать только в деревнях и проходить через города, лишь обманывая бдительность стражи, поставленной у ворот. Я уж сам не понимаю, как сумел я все это проделать. Будь я в обычном состоянии, я бы наверное попался. Но меня увлекала вперед моя вера. Каждый шаг, сделанный мною по направлению к Парижу, каждый шагбаум, который мне удалось миновать, каждое препятствие, побежденное мною, приближало меня к ней... к ней... к вам... Боли в ногах опять начались. Я страдал от острого колотья. Превозмогая себя, я продолжал идти, обливаясь потом от невероятных усилий. Когда меня задерживали для проверки моих документов, я выставлял напоказ свою распухшую ногу, выдавая себя за раненого в Вандее. В каждом городе я узнавал о казни или о смерти кого-нибудь из моих товарищей. Ночью я ложился спать, не раздеваясь, с парой пистолетов в кармане и с пилюлями опиума, в клочке перчатки запрятанными у меня под рубашкой. Живым я не дался бы в руки никому... Утром я вставал еще более изнуренный, чем накануне. Я старался идти все быстрее и быстрее, как беглец, который в ночи слышит позади себя шаги преследователей по мерзлой земле. Дыхание смерти несло за мною по пятам. Я чувствую его и сейчас. Смерть следует за мною всюду... Быть может, вы скажете, что мне следовало бы подумать, имею ли я право приводить ее к вам?... Я уже думал об этом... Человек, настроенный рыцарски, скорее отказался бы повидать свою возлюбленную, чем

подвергать ее опасности... А я — нет! Моя любовь к вам сильнее заботы о вашей жизни. Погубить вас, погубить себя — пусть! Лишь бы повидать вас, как вижу сейчас. Сказать вам, что люблю вас!..

(Берет ее за руки и говорит ей, почти вплотную приблизив свое лицо к ее лицу.)

Софи

(не делая никакой попытки освободиться, опьяненная как и он).

А потом?

(Он молчит, словно не понимая ее вопроса. Она снова обращается к нему.)

А потом — что будет с вами?

Вале.

Об этом я не думал!

(Он выпускает ее руки, и оба они молчат, тяжело дыша от глубокого внутреннего волнения... Софи отстраняется от него резким движением, встает, и прислоняется к клавишину, выжидая, чтобы у нее немного улеглось сердцебиение. Против нее неподвижно сидит Вале, склонив голову и глядя в землю суровым взглядом, в котором прорывается затаенная сила страсти.)

Софи

(овладев собою, снова подходит к Вале).

Друг мой!.. Дорогой друг мой!.. Благодарю вас!

Вале

(гневно поднимая голову).

Не благодарности хочу я от вас!

Софи

(после короткой паузы).

Я дрожу при мысли, что вы находитесь в этом городе, в этом доме, где бывает столько людей, которые могут вас узнать.

Вале.

Что мне за дело теперь до этого?

Софи.

Но мне-то есть до этого дело, мне! Вы явились сюда искать убежища под моим кровом. Я должна, я хочу вас спасти!

Вале.

Нет на земле ни спасения, ни убежища для человека, пожелавшего освободить себе подобных.

Софи.

Вам необходимо перебраться через границу. Вам необходимо сберечь себя для лучших времен, которые еще наступят. Вы еще окажетесь нужным нам всем... Ваше дело, ваша родина...

Вале.

Они мне более не нужны. Мне нужны только вы!

Софи.

Вале, умоляю вас. Не губите себя! Подумаем лучше, куда вас спрятать и как вам бежать?

Вале.

Бежать? Вы представляете себе, что я снова могу превратиться в беглеца? Вы думаете, что можно вторично

пережить то, что я пережил? Эти пять месяцев агонии! На это не хватило бы никаких человеческих сил. Это невозможно без того внутреннего огня, которым я был полон, когда направлялся сюда. Что будет мне служить поддержкой, когда я буду удаляться от вас?

Софи

(страстно).

Я!

Вале.

Вы?

Софи.

Я... Моя любовь!

Вале

(поднимаясь с кресла).

Твоя любовь!

Софи.

Я не смогла бы жить, если бы вы умерли!

Вале.

Ты, значит, любишь меня? Ты меня любишь?

Софи.

Вы это знаете! Зачем вы заставили меня сказать вам это?

Вале.

Ты это сказала? Скажи еще раз!

Софи.

Я не должна говорить это!

Вале.

Ты должна! Повтори.

Софи.

Я люблю тебя!

(Они сжимают друг друга в объятиях.)

Вале.

Твои уста! Ах, наконец-то я утолю ими свою жажду. Останься... Останься... Не отстраняйся! Не гнушайся мною. Прости мне мой нищенский вид, мои жалкие отребья, мои грязные руки и ноги, мое тело, пахнущее потом и пылью. Мне стыдно...

Софи.

Я люблю тебя, я люблю твой убогий вид, люблю в тебе все: покрытые пылью руки, самую грязь, при- ставшую к твоим ногам.

(Она наклоняется, желая поцеловать его руки и его платье.)

Вале

(удерживает ее и, взяв ее голову в свои руки, смотрит в глаза Софи, замирающей под его взглядом; потом, после напря- женного молчания, говорит.)

Ах, как прекрасна жизнь!.. Теперь я буду жить... Я хочу жить. Я не дамся им в руки! Если, будучи один, я мог обмануть бдительность стольких врагов, на что я не отважусь теперь, унося тебя в своих объ- ятиях!.. Тебе будет нетрудно раздобыть для меня фальшивый паспорт и костюм якобинца. Я сажусь в дилижанс, и отправляюсь из Парижа в Доль. Оттуда я иду пешком, — я знаю проселочные дороги, ведущие по возвышенности до самой границы. Прежде чем перейти ее, я укрываюсь на несколько дней — в хищине

какого-нибудь дровосека. Неделю спустя ты бежишь из Парижа и встречаешься со мною в месте, которое я тебе укажу. Пять-шесть миль мы идем пешком. Дороги покрыты снегом, но ты, ведь, не боишься такого перехода. Мы взбираемся на склоны Юры. С вершины нам уже видна свободная страна, — Швей- цария. Еще несколько часов, и мы спасены!

Софи

(увлекаемая этой безудержной волей, но пытаюсь освободиться от нее).

Мы? Я? Мне следовать за вами?

Вале.

Ты, ведь, моя!

Софи

(со стоном).

Я не могу! Я не могу!

Вале.

Если ты хочешь этого, ты можешь.

Софи.

Я не могу!

Вале.

Кто тебя удерживает?

Софи.

Мой долг!

Вале

(с горечью).

Долг? В наши злополучные времена это слово является лишь орудием убийства. Во имя долга вели-

кий лицемер, тщедушный аррасец умерщвляет своих соперников, и во имя его же трусливые друзья предают нас в руки палача. Долг? Как безрассудно злоупотребляли все мы этим лживым словом!.. Смотри мне в глаза! Единственная истина, вот она — в наших взорах! Ты и я!

Софи.

Я не могу не думать о своем муже. Он стар, он меня любит, он полон доверия ко мне. Я была бы преступницей, если бы бросила его.

Вале.

Ты стала ею, выйдя за него замуж. Это преступление — сочетать юное тело с дряхлым. Ты и без того припесла своему мужу в жертву слишком много. Я возмущен его эгоизмом, позволившим ему согласиться на это. Полно, его нечего жалеть. Он прекрасно обойдется без тебя. У него есть наука, его слава, его гордость и дружба тиранов. В его жизни ты — плод, который он даже не в состоянии сорвать.

Софи.

Я отдалась ему по собственной воле! Разве я могу теперь уйти от него, не презирая сама себя?

Вале.

Презирай себя! В такое время, как наше, чего стоит презрение? Вокруг нас все вымирает, все разрушено: все узы и законы, соединявшие людей в общество, уважение к несчастью ближнего, добросовестность, сердечная доброта, все. Единственное, что еще светит нам среди развалин, это — любовь. Все остальное не существует.

Софи

(прижимая руки к груди, вполголоса, сгорая от внутреннего экстаза).

О, радость.

Вале

(обнимает ее).

Ты последуешь за мной!

(Софи, не глядя на Вале, хранит молчание, застыв в той же экстатической позе.)

Вале

(повелительно).

Отвечай!.. Ты следуешь за мной?!..

(Софи медленно обращает к Вале свое озаренное любовью лицо и соединяет руки так, что концы пальцев касаются полуоткрытых уст, готовых вот-вот заговорить. Вдруг она освобождается из его объятий, прислушивается и торопливо говорит).

Кто-то идет! Подымается по лестнице!..

(Она поспешно вталкивает Вале в комнату, дверь которой открывается налево от зрителя, у рампы.).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

В дверь правой стены, открывающуюся на лестницу, входит Жером де Курвуазье. Не замечая Софи, все еще стоящей на пороге двери, через которую вышел Вале, он торопливо, неверными шагами направляется к рабочему столу в левом углу гостиной. Он без шляпы. Его длинные седые волосы растрепаны, его галстук широким узлом повязан кое-как; его платье, его движения, выражение его лица свидетельствуют о крайнем замешательстве, в котором он находится. Он громко и тяжело дышит. Порою у него срываются бессвязные слова, какие-то жалобы. Он опускается в кресло перед письменным столом и, опершись локтями о груды бумаги, закрывает ладонями лицо.

Софи

(изумленная его видом и позой).

Жером!

(Он продолжает оставаться неподвижным, издавая тихие стоны.)

Софи

(обеспокоенная, направляется к нему).

Друг мой...

(Он не отвечает. Она кладет ему руку на плечо и заботливо спрашивает его.)

Что с вами?

(Он подымает к ней лицо, тяжело дыша, смотрит на нее и опять бессильно поникает головой.)

Софи

(наклонившись над ним, запрокидывает ему голову и с нежным участием говорит).

Вы страдаете? Что с вами случилось?

(Жером де Курвуазье делает над собой усилие, желая улыбнуться жене и принять свой обычно-спокойный вид; он раскрывает рот, хочет что-то сказать и не может. Полупривстав, он тянется рукою к какому-то предмету, стоящему среди кофейных чашек на соседнем столике.)

Софи.

Что подать вам?

(Жером указывает на бутылку.)

Софи

(подавая ему).

Водку? Но, ведь, вы никогда не пьете!

(Жером берет бутылку, наливает себе полную рюмку и выпивает ее залпом).

Жером.

О, боги, я теряю рассудок среди этих людей!..

Софи.

Что с вами произошло? Что потрясло вас до такой степени?.. Откуда вы сейчас, друг мой?

Жером.

Из Конвента.

Софи.

Заседание окончилось?

Жером.

Нет! Но я не мог досидеть до конца.

Софи.

Что произошло? Предприняты какие-нибудь новые меры устрашения? Вам ничего не угрожает? Вы, ведь, знаете людей!

Жером.

Это уже не люди! Это—стадо животных, раблепных и жестоких. Все низкие и хищнические инстинкты разнузданы до конца. Это убойная скотина. Трусливые собаки, ползающие на брюхе и чующие запах крови. Среди них, внутри общей ограды, бродят волки и гиены. Большой зал заседаний почти пуст. Более двухсот человек бежало, умерло, пропало без вести. Правая сторона совсем безлюдна. Оставшиеся в живых бывшие правые, покинув свои места, ползком добрались до верхних скамей Горы. Самые же осторожные из них меняют беспрестанно одно место на другое, ибо никто не знает, куда обрушится удар. Они стараются совершенно ступеваться, хотят, чтобы о них совсем забыли. Озираясь робко по сторонам, они следят за каждым приступом дрожи, охватывающим напуганное стадо, за тем, как жмурятся волки: за покатым лбом и желтыми глазами Робеспьера, сверкающими из-за очков; за низким лбом и налитыми кровью глазами Билло; за ледяным взглядом Сен-Жюста с его глазами впадинами ястреба... Вот он на трибуне! Он сейчас заговорит. Тишина. Вытянув шею, он скользит холодным взглядом поверх согбенных спин,

старающихся от него укрыться; он пересчитывает их: кого наметил он себе в жертвы? Нечего спешить. У него достаточно времени. Никто не посмел бы и шелохнуться!.. Полгода назад в этих стенах становились, словно бурные валы, борющиеся партии: жирондисты и монтаньяры крича бросались друг на друга, схватывались в рукопашную, потрясая оружием; над этой свалкой, покрывая общий шум, гремели трибуны: раздавался рев двух тысяч голосов. Теперь здесь царит безмолвие могилы. Когда берет слово один из палачей, слышно как муха пролетит. Все эти неподвижно застывшие тела трепещут от мучительно напряженного ожидания. Попав в загон, никто уже не может поручиться ни за себя, ни за своих собратьев. Никто не знает, не потребуют ли его казни, не придется ли требовать чьей-либо казни ему самому. Однажды переступив этот порог (а переступить его необходимо, ибо уклониться нельзя, не навлекая на себя обвинения в измене), всякий из нас перестает быть самим собой. Товарищ, приятель, минуту перед тем шедший с вами под руку, сразу стал вам чужим человеком... Что думает он обо мне?... Что думаю я о нем?... Всякий представляет собою загадку для своего ближнего... Быть может, минуту спустя я увижу, как он поднимется с места, грозно сверкая глазами, и с пеной у рта накинется на меня вместе со всею сворой... Или, напротив, быть может, я предупрежу его. Ибо бывают случаи, когда знаешь, что сосед потребует твоей казни, если только ты не забежишь вперед и не потребуешь его головы...

(Жером, у которого руки все время трясутся, произносит эту тираду в состоянии чрезвычайного возбуждения. Остановившись, он снова протягивает руку к бутылке с водкой. Но Софи решительно забирает от него бутылку и, усевшись рядом с ним, нежно дотрагивается до его плеча.)

Софи.

Не возбуждайте себя искусственно! Успокойтесь!... Расскажите мне, что случилось? Я стараюсь понять... Сен-Жюст, говорите вы, выступил сегодня с речью? Новые проскрипции? Вы не подали за них своего голоса?

Жером.

(утвердительно кивает головой).

Да, новые проскрипции.

Софи.

Но кого же наметили на этот раз? Они поразили всех своих врагов. Справа и слева. Несчастная Жиронда находится при последнем издыхании. Коммуна уничтожена. Не прошло еще недели, как Гербер, Шомет и Клоотц сложили свои головы на эшафоте. Кого еще им нужно сокрушить?

Жером.

Самих себя! Они пожирают друг друга. Создав вокруг республики безвоздушное пространство, они теперь убивают и республику... Сегодня, в шесть часов утра, они арестовали...

Софи.

Кого?

Жером.

Дантона.

Софи.

Дантона?

Жером.

Мы не были друзьями. Я не любил этого человека. Этот буйный характер, этот буйный поток, увле-

кавший за собой немало грязи, этот демон безрассудства, умудрявшийся сочетать неводержанность с расчетливостью, эти низменные инстинкты, это коварство—внушали мне отвращение. За его громкими выкриками слишком часто скрывались смущение и неуверенность. Но кто может не признавать его ослепительных заслуг перед республикой. Кто не видел в мрачные для нее дни, как вставала на фоне темных туч, в венде молний, эта нечеловеческая фигура, словно гений самой Революции... Когда до Собрания дошел слух об его аресте, все присутствующие оцепенели от изумления. Среди них не было ни одного, кто не почувствовал бы, что эта личность священна, что она является неприкосновенным достоянием всей нации. И мало было таких, кто лично на себе не испытал бы последствий его сурового заступничества. Многие в тяжелую минуту искали для себя защиты у этой головы Медузы. Целые полчища клиентов кормились крохами, перепадавшими с его стола. Но теперь эта толпа, поверженная ниц, робко шепталась, не смея повысить голос. И я молчал, так же как она.

Наконец, один из его клана, известный всем в качестве спутника закатившегося светила, сознавая, что и ему неизбежно придется упасть вместе с ним, инстинктивно попытался встать на его защиту. Это был Лежандр, заурядная личность, игравшая у ног Дантона его перунами... Страх придал ему силы; он возвысил голос. Рыча как можно громче, чтобы внушить самому себе смелость, он потребовал освобождения Дантона. Большинство, ободренное этим криком, раздавшимся среди гробового молчания, начало уже поддерживать его одобрительным гулом. Кое-кто отважился даже рукоплескать. Еще несколько минут, и Конвент, быть может, нашел бы в себе мужество сбросить петлю, которую ему накинуд на шею...

Вдруг вошел Робеспьер. Все сердца тотчас же замерли. Те, мимо кого он проходил, спешили ступежаться. Оратора снова окружила мертвая тишина. Лежандр увидел Робеспьера. С минуту еще, увлекаемый невыдохшимся порывом, он продолжал кричать, но его крики падали в пустоту. Затем он почувствовал, что теряет почву под ногами, прервал речь, снова начал ее, что-то залепетал; потом, посреди фразы, ударив кулаком по трибуне, он запнулся и сошел вниз. На трибуну медленно подымался с другой стороны Робеспьер. Не отвечая на рев испуганного зверя, старавшегося теперь уже не напоминать о себе, он прочитал бесстрастным голосом приказ об аресте, подписанный минувшей ночью тремя Комитетами. В туманных выражениях он сообщил о крупном заговоре. Он поздравил «веселый Сенат с тем, что он вырвал из своей среды всех недостойных членов, изменивших интересам республики...» И вдруг, придав голосу угрожающий оттенок, он повернулся в сторону Лежандра, укрывшегося за чей-то спиной; казалось, не замечая его, он выразил пожелание, чтобы меч закона обрушился на головы тайных сообщников, высказавшихся в пользу предателей. Лежандр, лепеча что-то невнятное, потребовал, чтобы ему предоставили слово для ответа. Но Робеспьер, неумолимый как всегда, сделал вид, будто не слышит его. Он спокойно закончил свою речь, представлявшую сплошную цепь размеренных периодов, где смерть увенчивалась цветами, и покинул Собрание, оставив занесенной над головою Конвента секиру, украшенную лаврами...

Молчание становилось все более напряженным. Из глубины человеческой бездны вырывалось еще разрычание Лежандра, лаявшего навстречу надвигающейся смерти. Но теперь его преследовала только одна мысль: лечь под удары кнута и заслужить себе прощение, лобызая

погу, паносившую ему побои. Весь извиваясь, он оправдывался тем, что ему ничего не было известно о заговоре; он обещал предать в руки правосудия друга ли, брата ли, если только они виновны, отрекшаяся от поверженного кумира и призывая малодушное собрание в свидетели своего трусливого отречения... Никто не отважился протянуть ему руку. Над ним продолжала висеть безмолвная угроза невозмутимого триумвира, спокойно взиравшего, как несчастный сам затягивает петлю у себя на шее...

Человека не стало! На него обрушилось, плотно придавив его, всеобщее презрение, смешанное со страхом. Тогда один из членов Горы обратился от имени Конвента с приветствием к Комитетам, неусыпная бдительность которых привела к раскрытию новых заговоров. С разных скамей послышались одобрительные возгласы. Но Робеспьер, зная, как изменчиво настроение Собрания, не удовлетворился этим. Он потребовал, чтобы Конвент высказал свою волю поименным голосованием и утвердил предание суду, или, попросту говоря, — ибо приговор предрешен заранее, — казнь Дантона.

Софп.

И вы подали свой голос за это!

Жером.

Голосовали все. Все спешили к трибуне, зная, что с них не сводят глаз те, в чьих руках находится жизнь каждого из нас. Некоторые, уйдя головой в плечи, высказывались робко и неуверенно. Большинство же, приняв вид непоколебимой стойкости, спокойно голосовало за предание Дантона суду, внутренне содрогаясь от страха. Лежандр предал своего господина.

Нас было пять-шесть человек, с омерзением смотревших на эту сцену. Мы ждали каждый своей очереди голосовать. И когда наступал неотвратимый момент, каждый из нас вставал с места и направлялся к трибуне подать свой голос, бросить свой камень в поверженного.

Софи.

И вы тоже бросили?

Жером.

Когда дошла очередь до меня, я встал с места, желая уйти.

Софи.

Вы не голосовали!..

Жером.

Я был уже у выхода, когда меня вызвали к трибуне. И кто-то, находившийся позади меня, дотронувшись до моего плеча, повторил: «Курвуазье...» Какой-то человек (не знаю, кто это был) стоял в дверях. Я отстранил его и вышел из зала. Когда я очутился на улице, у меня закружилась голова, и я чуть не упал на землю. Какой-то прохожий, заметив, что я нетвердо стою на ногах, подошел ко мне, взял меня под руку, повел в кафе и заставил меня подкрепиться рюмкой водки. Я собрал все свои силы, чтобы не привлечь внимания публики, и направился обратно в зал заседаний. Мне хотелось лечь на землю, зарыться в нее и никогда не встать... Мне противны, противны все люди, я противен самому себе. Человечество, Разум, Свобода... какие жалкие бредни! Какая горькая насмешка надо всем, во что я верил. Человеку от рождения назначено быть рабом. Человеку от рождения

назначено быть предателем. Всякая попытка освободить его, всякая попытка поднять его приводит только к большому торжеству его животного начала. Что я сделал? Я погубил свою жизнь!..

(Он опускает голову на стол, стиснув ее обеими руками.)

Софи

(слушавшая его с испугом и все возрастающей жалостью).

Бедный мой, бедный!

(Наклоняется к нему, заставляет его открыть лицо и берет его руки в свои.)

Жером, друг мой... мой дорогой муж... Не падайте духом! Я понимаю вас, мне вас жалко от души. Все, что вы перестрадали, заставляет страдать и меня... Но я не хочу, чтобы вы утратили веру... Нашу веру...

Жером

(подымая голову, повторяет тоном сомнения).

Нашу веру?

Софи.

Да, нашу общую веру... Конечно, люди подлы, жестоки и склонны к обману... Увы, мы слишком хорошо знаем, сколько заложено в каждом из нас отвратительных свойств, недостойных мыслей, которые мы не осмелились бы высказать вслух и которые нас унижают... Но именно потому, что нам это было известно, мы и совершили эту революцию, стремясь освободить и облагородить человечество. Мы не закрывали глаз на предстоявшие нам трудности и опасности. Быть может, наша ошибка в том и заключалась, что мы слишком рано поверили в свою победу. Но можно ли было в первые дни свободы не слиться в общей радости со всеми нашими соотечественниками?

Следует ли нам жалеть об этом? Это не могло продолжаться без конца. Но кто же нам не позавидовал бы — кто нам не позавидует — при мысли о том, что мы раз в жизни испытали это счастье? Мы сорвали его в расцвете. С течением времени цветов увял. Мы поплатились впоследствии за нашу недолговечную радость. Это тяжело. Но это неизбежно. Но разве это основание для того, чтобы усумниться в своих убеждениях или даже совсем от них отречься, в особенности для вас, привыкшего среди научных трудов сталкиваться с неумолимыми законами природы? У вас хватило силы подняться на достаточную высоту, чтобы мысленно объять всю жизнь нашей планеты и успехи человеческого гения, представляющиеся взору в виде извилистого ручейка. Вы никогда не думали, что в несколько лет можно добраться до устья, достигнуть конечной цели; вы предвидели, что на это потребуются века, что вам предстоит еще не один раз остановиться и даже вернуться назад. Мы... мы не увидим воочию Обетованной земли. Но хорошо уже и то, что мы знаем, где она находится, и можем указать к ней дорогу. На смену нам явятся другие, моложе нас, которые продолжат прерванное продвижение. Постараемся же найти в этом утешение, мы, связанные с настоящей минутой. В вашем распоряжении, ведь, столько способов отвлечься от этого угнетающего вас ужасного зрелища. Ваш личный труд, ваши изыскания, ваши открытия, все это дарство науки, неподвластное безумию и злобе людской, — науки, призванной освободить человечество, хочет ли оно этого или нет...

Жером

(мало-по-малу выпрямившись, не сводит глаз с жены, которая держит его за руки).

Ах, как это хорошо!.. Как успокоительно звучат в ваших устах эти слова!.. Вы возвращаете мне мою

веру, мою утраченную веру... Жена моя!.. Но, значит, вы меня любите?.. А мне казалось, что нет!..

(Целует ее руки. Софи смутившись, отворачивается в сторону.)

Жером

(поднимает на нее глаза и с благодарностью смотрит на нее, смиренно домогаясь ответа).

Софи, вы в самом деле немного меня любите?

Софи

(стараясь уклониться от прямого ответа).

Ах, я дрожала от страха, слушая ваш рассказ... Я опасалась... я опасалась...

Жером

(с печальной улыбкой).

Вы опасались малодушия с моей стороны?

Софи.

Не произносите этого слова!

Жером.

Разве я не выказал себя в достаточной степени малодушным?

Софи.

Вы не захотели последовать низкому примеру всех прочих.

Жером.

Да, мне следовало выступить открыто, а я предпочел удалиться. Я — жалкий человек, у которого хва-

таст мужества лишь на то, чтобы не совершить пиззкого поступка.

(В дверях показывается Вале, с ревнивой досадой наблюдающий эту сцену. Оба супруга не замечают его. Когда их взоры машинально обращаются в его сторону, он скрывается в глубь комнаты.)

Софи

(с нежностью.)

У вас, бедняжка, так мало сил и именно потому...

(Она не решается продолжать.)

Жером

(не выпуская ее рук, притягивает ее к себе).

И именно потому?..

(Видя, что она не отвечает, он настаивает).

И именно потому?.. Договаривайте!.. У вас ко мне немного... немного жалости?

Софи

(затрудняясь ответом и все еще пытаюсь уклониться).

И именно потому, мой друг, что у вас так мало сил, опасность, которой вы подвергаете свою жизнь, является тем большей заслугой. Вы, ведь, подвергли себя страшному риску. Не принижайте себя, говоря, что вы позорно бежали...

Жером.

Это правда. Я знаю, что у меня потребуют отчета. Вот уже два месяца, как мой образ мыслей взят под подозрение. За каждым шагом моим следят, о каждом моем слове, даже о моем молчании, сообщают куда следует. Меня подстерегают доносчики. Они есть

и среди наших друзей. Лишь сегодня (я хотел окончательно удостовериться, прежде чем поделиться с вами своими подозрениями), лишь сегодня мне удалось получить доказательства, что Деши Байо...

Софи

(в ужасе).

О, боги!

Жером.

Доносит обо всем, что здесь говорится...

Софи.

Нет, не могу поверить! Этот старик... Этот добрый и робкий человек... Что могло бы побудить его?

Жером

(пожимая плечами).

Желание обеспечить себе неприкосновенность... В такие времена, как наши, бесчестный пример заразителен, как проказа, и сплошь и рядом порядочными людьми овладевает внезапная потребность совершить какую-нибудь гнусность...

Софи

(в испуге).

Жером, он был здесь!..

Жером.

Кто? Байо? Сегодня?

(Взволнованная до последних пределов, Софи утвердительно кивает головой, не будучи в состоянии выговорить слово.)

Жером.
Чего боитесь вы, Софи? Я знаю вашу осторожность...

Софи.
... Он был здесь, когда вошел...

Жером.
Когда вошел?..

Софи.
...Эмигрант, ищущий убежища... Вале...

Жером
(радостно пораженный).
Вале!.. Он жив!.. Он явился... Софи, вы приняли его? Вы не отказали ему в крове? Где он?

Софи.
Вот он!
(Она указывает на Вале, который, услышав свою фамилию, появляется в дверях. Софи, желая скрыть свое смущение, выходит на площадку лестницы, оставив обоих мужчин наедине, словно затем, чтобы посторожить у входа.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Жером
(с распростертыми объятиями идет навстречу Вале).
Друг мой!
(Вале не трогается с места. После короткой заминки Жером продолжает идти навстречу Вале).
Тебе удалось спастись!.. Ходили слухи... Слава богу...
(Подходит к Вале и хочет его обнять. Но тот уклоняется от этого и, войдя в гостиную, держится на некотором расстоянии от Жерома.)

Вале
(с холодной иронией).
Оставим бога в стороне. Он нами не интересуется. Бог заодно с Робеспьером.

Жером
(после первой минуты изумления приди в себя, снова обращается к нему).

Вале! Тебя ли я вижу?... Среди мрачных мыслей и забот, осаждающих меня сегодня, мне кажется,

будто солнечный луч проник в мой дом вместе с тобою.

(Снова делает несколько шагов по направлению к Вале, протягивая ему на этот раз руку, которую тот отказывается пожать.)

Вале

(тем же тоном холодной иронии).

Не приближайся. Ты можешь обжечься.

Жером

(пораженный, отступает на шаг).

Вале! Друг мой!.. Что с тобой?.. Ты не хочешь пожать мою руку?.. Ты мне не доверяешь?.. Мой дом к твоим услугам. Благодарю тебя за то, что ты избрал его себе убежищем. Ты сомневался в моей дружбе? Я попрежнему тебе верный друг.

Вале

(с горечью).

Знаю я этих верных друзей, вот уж год предающих нас палачам!

Жером

(опечаленный).

Вале, я, действительно, предложил слишком мало усилий, чтобы спасти вас. Но (я говорю это не в оправдание себе,—осуждай меня, если тебе это угодно), но ты не отдаешь себе отчета, в каком сумасшедшем доме мы находимся и как невозможно заставить этих людей внять голосу разума. Это эпидемия, поражающая мало-по-малу самый здоровый мозг. Четыре года непосильного напряжения, бредовых речей, горя-

чечных писаний, всяких страхов, подозрений, мессианских надежд и горьких разочарований—создали ядовитую атмосферу. Угроза смерти вливается отравой в сознание каждого из нас. Человек не может безнаказанно держаться несколько лет подряд на острие меча, каким является лозунг: «Победа или смерть». Он срывается, обгаренный собственной кровью, и падает в бешенство. Всякий, кто захотел бы пробудить в нем человеческие чувства, был бы растерзан этими тиграми... Увы, это твои друзья, Вале, это ты и твоя партия, объявив войну Европе и ввергнув страну в междоусобную распрю, первые разнуздали фурий, которые вас же пожрали.

Вале

(язвительно).

Мы отказались вступить в какое бы то ни было соглашение с преступниками. Другие, спасая свою жизнь, умудряются ладить с ними.

Жером

(уязвленный, но сдерживаясь).

Над нашей жизнью стоит дело нашей жизни: наша юная революция. У нее столько врагов! Не будем же ослаблять ее взаимной враждой! Мы должны ей принести в жертву все наши личные страсти.

Вале

(оскорбительно).

Это нетрудно для тех, у кого нет личных страстей, а есть одни лишь корыстные расчеты.

Жером

(не желая принимать слов Вале на свой счет).

Мы говорим не о низких душах. Что нам до них! Между тобой и мной речь может идти лишь о тех, кто живет ради идеи.

Вале.

Есть люди, умирающие за идею, и есть такие, которые заставляют идею служить их собственным интересам.

Жером.

Вале!.. Что ты хочешь этим сказать?.. Что с тобой?.. Можно подумать, что ты мною недоволен.

Вале

(после минутной паузы, с ненавистью).

Да!

Жером

(опечаленный).

Неужели в такой момент, когда в этом городе, кишашем твоими врагами, твоей жизни грозит опасность со всех сторон, неужели ты не чувствуешь ни малейшей признательности к преданному тебе человеку, который, не разделяя твоих убеждений, относится к ним с уважением и хотел бы спасти тебя?

Вале

(запальчиво).

Нет, не чувствую! Твоя преданность — ложь! Ты предаи лишь самому себе, своему собственному благополучию, своим бесстрастным научным трудам, всему, что помогает тебе выходить сухим из воды. Про-

клятие тиранам, умерщвляющим Францию! Но вечным позором да будут покрыты все те, кто умывает руки при виде этого зрелища! Тебе известно, как я ненавижу Робеспьера, этого зловещего лицемера, этого палача республики, продавшегося Австрии. Я мысленно призываю вторую Кордэ и облобызал бы кинжал, который пронзил бы ему сердце. Но мне не менее ненавистны те осторожные люди, которые молчат, притаившись, и проявляют в этой лютой борьбе одинаковое отношение к преступлению и к добродетели, люди равнодушные ко всему на свете, беспрестанно перебегающие справа налево и слева направо, всегда готовые прислужиться одному в ущерб другому, с тем, чтобы завтра же предать своего вчерашнего господина!

Жером

(сдерживаясь, продолжает говорить с полным спокойствием, за которым, однако чувствуется нервная дрожь).

Вале, все это ко мне не относится.

Вале

(с яростью).

Нет, именно к тебе!

Жером

(с минуту молчит, сраженный).

Но если я тебе так ненавистен, почему же ты решил искать убежища у меня?

(Вале не отвечает, но его взгляд, поверх Курвуазье, устремляется к наружной двери, в которой появляется Софи; с этой минуты он не в состоянии оторвать от нее глаз, сияющих радостью. Жером замечает резкую перемену в выражении его лица. Обернувшись, чтобы узнать в чем дело, он видит жену, направляющуюся к ним обним).

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Софи

(охваченная сильным волнением, закрывает дверь устремляется к Жерому).

Кто-то идет!.. Кто-то идет!.. Жером!.. Он погиб!..

(Не отрывая взора от глаз Вале, несколько не взволнованного и криком и Софи и не скрывающего своего восторга при виде любимой женщины, Жером поворачивается к жене и замечает ее смещение. Это до такой степени привлекает его внимание, что он пропускает мимо ушей ее слова.)

Софи

(хватая его за руку).

Да ну же, ну, Жером!.. Разве вы не слыхали, что я сказала?

Жером

(начиная сознать происходящее).

Кто идет? Кого вы видели?

Софи.

Улица оцеплена. Отряды вооруженных людей ходят из дома в дом. У нашей двери стоит часовая... Вот — взгляните!

(Она подводит Жерома к окну в правой стене, завешенному плотными гардинами. Она немного приподнимает занавес, и Жером наклоняется, чтобы увидеть, что происходит на улице. Вале следит за ними, но смотрит только на Софи.)

Жером.

Во всем квартале домовые обыски.

Софи.

По-вашему, этот человек уже донес на нас?

Жером.

Кто? Дени Байо?.. Нет... Навряд ли он успел. В данный момент это, очевидно, мероприятие общего характера, не имеющее в виду именно нас... Взгляните: вот отряд входит в дом напротив нас. Это несомненно очередная серия обысков, производимых по распоряжению Наблюдательного Комитета Секции... Обыскивают все дома. Но возможно, что после сегодняшних событий нас подвергнут особенно тщательному обыску.

Софи

(потрясенная).

Бегите, Клод!

Жером.

Клод?... Ах да, Вале... Бежать невозможно. Взгляните, — в конце улицы шлагбаум закрыт, и стоит часовая. Никто не может выбраться отсюда, пока не

кончится обыск... Осматривают один дом за другим. После того дома, что напротив, — наша очередь. У нас в распоряжении четверть часа.

Софи

(мало-по-малу утрачивая способность владеть собою).

Жером, его надо спасти!

Жером

(с неизменным спокойствием).

Жизни каждого из нас, моя милая, угрожает одинаковая опасность.

Софи

(совершенно теряя самообладание).

Но, если его найдут, он погиб!

Жером.

Вы тоже погибли, если его найдут здесь.

Софи

(вся занятая одной лишь мыслью).

Пускай,—лишь бы мне удалось спасти его.

Вале

(со взором, сияющим от восторга).

Теперь, когда я достиг цели, меня уж ничто не страшит!

Софи.

Нет, вы должны жить. Я не хочу, чтобы вы умерли!

Вале.

Жить или умереть, но вместе!

Софи

(страстно).

Жить!..

Вале

(захлебываясь от радости).

Будем жить!..

(Рука в руке, не сводя глаз друг с друга, они совершенно забыли обо всем окружающем, о грозящей им опасности, о Жероме, который смотрит на них.)

Жером

(после некоторой паузы, вполне спокойно, даже холодно).

Минуты сочтены. Если вы хотите жить, не теряйте времени понапрасну, как бы ни казались вам сладки эти мгновения.

(Софи при этих словах спохватывается и выпускает руку Вале, который, в свою очередь, отступает назад. Она обращает полный смущения взор в сторону Жерома, не смея в то же время прямо взглянуть ему в глаза.)

Вы знаете, Софи, в глубине той комнаты, в нише,

(он показывает налево—на дверь у рампы)

есть тайник, устроенный мною для документов, которым не следует попадать в некоторые руки. Там может стоя поместиться человек. Спрячьте туда Вале и, смотрите, хорошенько прикройте за ним потайную дверь. Если все дело сводится к простому обыску, то на нее не обратят никакого внимания, и у нас есть шансы рассчитывать на благоприятный исход.

Софи.

Идем! Скорее, Вале!

Жером.

Погодите!.. Необходимо все предусмотреть. Если обыск производится по приказу Комитета Безопасности, или если Байо успел донести на нас, они то обыщут все уголки, ничего не упустят из виду. Тогда выхода нет. Остается только одно.... Вот, возьмите!..

(Он достает зашитый в одной из складок своего пышного галстука маленький мешечек и распределяет его содержимое между всеми тремя.)

Этот яд смертелен. Мне его дал Кабанис. Это вам, Вале... это вам, Софи... это мне... Теперь идите!

(Софи, растроганная, и Вале, взволнованный, оба во власти самых противоположных чувств, смотрят на Жерома, который, уже не глядя на них, идет к окну. Они выходят в дверь, расположенную у рамы, налево от зрителя.)

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Жером Курвуазье оглядывается назад и, не сводя взора с двери в которую вышли Софи и Вале, медленно возвращается на середину сцены.

Жером

(с горькойironией).

Они любовники!.. Какую дикую ярость внушают ревность и близость смерти моему лучшему другу. Он не колеблясь убил бы меня, чтобы похитить у меня жену... А она, с которой я только-что делился своей печалью, она — его сообщница, она, конечно, желает моей смерти...

Почему бы нет? Я — препятствие на пути к удовлетворению их желаний... Что ж, пусть насытят их! Я недолго буду служить им помехой... Мне совсем не улыбается насильно удерживать при себе существо, которое только и думает, как избавиться от меня. Мне также не хочется еще долго быть связанным с этим подлым человечеством... Подлым? Нет, пеленым. Оно недостойно даже презрения... Одно только существо еще поддерживало мою веру в людей. Оно ее отняло у меня... Отлично... Если эти двое

несчастных еще могут находить какую-то прелесть в жизни, тем лучше для них! Я же отказываюсь от своей...

(Направляется к книжному шкапу, достает толстый фолиант и извлекает заправленные в пергаментном переплете писанные от руки листки.)

Эти записки, в которых я высказываю свое нелюбимое мнение о действиях наших палачей, дадут им возможность, без долгих проволочек, осудить меня на смерть.

(Раскладывает свои записки, на видном месте, на столе среди гостинной, возвращается к окну, выходящему на улицу, [и смотрит в него.]

Выходят из дома напротив... Переходят улицу...
Идут сюда... Я готов...

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Слышны шаги нескольких человек, тяжело поднимающихся по лестнице. Громкий стук в дверь. Жером, не торопясь, открывает. Входит уполномоченный Комитета Безопасности и десять человек конвоя. Костюм уполномоченного: широкие черного цвета шерстяные брюки, короткий камзол из той же материи и трехцветный жилет; на нем яковинский парик — короткие, гладко причесанные черные волосы, прикрытые красной шапкой; сбоку — сабля; очень длинные усы; — одним словом то, что называется «полной карманьолой». На гвардейцах лишь некоторые части этого комплекта. Большинство — без камзола и жилета, в стоптанных башмаках, все вооружены пиками.)

Крапар

Комитет Безопасности!..

Жером

Входите!... Это ты, гражданин Крапар?

Крапар

(с первых же слов обнаруживает свою враждебность).

Не ждал нас?

Ж е р о м

(презрительно-спокойно).

Не совсем так: я ожидаю всего.

К р а п а р

(угрожающе-насмешливо).

Как иногда судьба сталкивает людей!

Ж е р о м

(презрительно-спокойно).

В особенности, когда один (я говорю не о себе) ищет случая встретиться с другим.

К р а п а р

Ну, я пришел сюда не переругиваться с тобой. Крепко ли сидит на плечах твоя башка?

Ж е р о м

Твое дело удостовериться в этом.

К р а п а р

(остальным).

Ну-ка!

(Свистит, как бы науськивая собак.)

Шерш! Шерш! Циль!

Ж е р о м.

Так... так... Ты называешь вещи их именами.

К р а п а р.

Посмотрим, кто из нас посмеется последним.

(Гвардейцы принимаются грубо обшаривать мебель, вытаскивают ящики, выбрасывают как попало их содержимое на пол, раскидывают бумаги. На шум является из соседней комнаты Софи. Она подходит к Жерому, стоящему неподвижно среди комнаты, спиной к вторгшимся.)

Ж е р о м

(не меняя позы, почти не открывая рта).

Готово?

С о ф и

(утвердительно кивает головой, не говоря ни слова, затем вполголоса спрашивает).

Есть какая-нибудь надежда?

Ж е р о м

(вполголоса).

Никакой.

С о ф и.

(вполголоса).

Кто это?

Ж е р о м

(вполголоса).

Крапар. Плут, которого два года назад я приказал арестовать в Арабском квартале, как торговца валютой.

К р а п а р

(к одному из гвардейцев).

Тимолеон, поройся-ка в камине!

(Тимолеон энергично шарит пикой в камине.)

Крапар

Немного сырой соломой!.. Дусеп, принеси-ка, да подожги. Если лиса укрылась там, мы услышим, как она поперхнется от дыма!

Софи

(шопотом Жерому).

Разве им известно?

(Жером пожимает плечами.)

Крапар

(обращаясь к своим).

Шарьте! Шарьте!

Жером

(Крапару).

Пошادي хоть эти хрупкие произведения искусства.

(Указывает на японские ширмы.)

Крапар.

Искусство—выдумка аристократов.

(Один из гвардейцев, выстукивающий пикой стену, протыкает большой портрет у Софи вырывается крик.)

Крапар

(стремительно бросаюсь к гвардейцу).

Ха! ха! ха! Ну-ка еще раз!..

(Гвардеец вторично протыкает портрет.)

Есть там что-нибудь позади?.. Ничего?..

(Поворачивается к Софи.)

Почему ты закричала?

(Софи бросает на него презрительный взгляд.)

Крапар.

(взбешенный).

Ты считаешь ниже своего достоинства отвечать мне? Все вы смотрите на нас, как на собак... Тысяча чертей!.. Сейчас посмотрим, гражданка, что у тебя припрятано за портретом... Не за этим... Пороемся немного у тебя за пазухой...

(Жером делает движение, желая оттолкнуть Крапара. Но тот грубо отстраняет его.)

Спокойнее, старикашка!.. Твоя очередь впереди. У меня приказ обыскать все. Я так и поступлю... Но мы считаемся с женской стыдливостью... Успокойся, гражданка: не мы будем осматривать твои прелести.... Ослиная Шкура!..

(Кричит.)

Куда эта сволочь запропастилась?.. Ослиная Шкура!

(В дверях лестницы показывается Ослиная Шкура, просто-волосая девка с грубыми чертами опухшего лица.)

Опять подцепила кого-то? Смотри ты у меня!.. Ступай сюда! Уведи эту красотку в соседнюю комнату и поищи у нее под сорочкой, нет ли там какого-нибудь эмигранта!

(Солдаты хохочут. Софи делает попытку воспротивиться, но, быстро взглянув на дверь комнаты, где спрятан Вале, направляется в другую комнату, расположенную ближе к саду. Ослиная Шкура следует за ней.)

Жером

(в сторону).

Они, как всегда, будут рыться там, где нет ничего... Придется силою заставить взглянуть их посмотреть на то, что у них под носом.

(Подходит к столу посредине гостиной, где на виду лежат разложенные им бумаги, на которые никому из обыскивающих не пришло в голову взглянуть. Он быстро убирает эти документы, как бы желая спрятать их, на самом же деле стремясь умышленной неловкостью привлечь внимание Крапара.)

Крапар

(одним скачком устремляясь к нему).

Стой!.. Давай сюда! Давай сюда!

(Вырывает у Жерома бумаги, быстро перелистывает их и читает.)

«Трактат о Рабстве»... «Невольническая республика».... Теперь он у меня в руках!

(Размахивает бумагами перед самым лицом Жерома.)

У него, верно, припрятаны еще другие... Держи его за руки! Тафта, Вашар, поройтесь-ка у него в карманах!

(Один из тех, к кому он обращается с приказанием, хватает Жерома за руки и отводит их ему за спину, в то время как другой, под наблюдением Крапара, обыскивает его.)

Крапар.

Попался, голубок!

Жером

(с холодным презрением).

Что ж, поздравляю тебя!

(Входит Лазар Карно, в форменной одежде, присвоенной членам Комитета Общественного Спасения. Он высокого роста, с голубыми глазами и крутым, надменным лбом, резок, высокомерен и саркастичен, — воплощение «здорового смысла, издевающегося надо всем...»)

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Карно

(на мгновение задерживается на пороге, смотрит с удивлением и, сообразив в чем дело, кричит громовым голосом).

Что вы тут делаете, болваны?

(Все оборачиваются к дверям.)

Гвардейцы.

Карно! Карно из Главного Комитета!

Карно

(крупными шагами подходит к Крапару, грубо отстраняет его; освобождает Жерома из рук гвардейца).

Мерзавцы!.. Лапы прочь!..

Крапар

(пробует протестовать).

У меня приказ.

Карно.

Приказываю я.

Крапар.

Мой долг произвести обыск.

Карно.

Твой долг уважать тех, к кому следует относиться с уважением. Оставь в покое этого человека.

Крапар.

Разве для врагов республики существуют какие-нибудь привилегии?

Карно.

Идиот! Республика обязана этому человеку больше, чем сотне безмозглых тварей вроде тебя. Его открытия дали возможность революционной армии пустить в ход убийственные снаряды, доставившие ей победу при Ватиньи.

Крапар.

Победа еще не доказывает патриотизма. Я не доверяю орлам.

Карно.

По-твоему, они парят слишком высоко?

Крапар.

Они выделяются над общим уровнем. Подрезать им крылья! Все должны быть равны!

Карно.

Все должны ползать!

(Люди Крапара смеются.)

Ну, а покамест всех остригут по твоей мерке, Крапар, республика пужается в вожжах, и я один из них. Убирайся вон отсюда.

Крапар.

Уйду, когда захочу. Ты не имеешь права здесь распоряжаться. Я—представитель Комитета Безопасности. Я не допущу, чтобы глумились...

Карно.

Главный Комитет шутить не привык. Горе тому, кто сопротивляется его приказу!

Крапар.

Ладно. Ухожу потому, что сам этого хочу. Но я доведу обо всем до сведения Комитета Безопасности. И если ты властен над моей жизнью, в моих руках — его жизнь.

(Размахивает рукописями, взятыми у Жерома, и выходит со своими приспешниками, к которым присоединяется Ослиная Шкура. Жером и Карно остаются одни.)

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

Карно.

Что он захватил?

Жером.

Мой обвинительный акт.

Карно.

Составленный тобою или обвиняющий тебя?

Жером.

И то и другое. В этих записках я обличаю темные стороны нашей конституции и выступаю против деспотов, злоупотребляющих властью.

Карно.

Ты напрасно громозишь Пелион на Оссу. Первая же глыба, поднятая тобою, обрушится на тебя.

Жером.

Я это знаю. Истина смертельна.

Карно.

Курвуазье, время не терпит. Направляясь сюда, я имел это в виду. Но события развиваются быстрее, чем я предполагал. Я не рассчитывал наткнуться здесь на этих ищеек.

Жером.

Значит, их направил сюда не Комитет Общественного Спасения?

Карно.

Комитет Общественного Спасения в них не пуждается. С него хватит твоих друзей.

Жером.

Дени Байо уже донес?

Карно.

Да.

Жером.

Что же, мне больше нечего тебе сообщать.

Карно.

Ты скрываешь у себя жирондистского пса.

Жером.

Ты, ведь, не надеешься, что я предаю его властям?

Карно.

Нет. Но выгони его из своего дома. Пускай его прикончат где-нибудь в другом месте. Не это побудило меня прийти к тебе. Где бы он ни был, никто ломаного гроша не даст за его жизнь. Я пришел поговорить с тобой о тебе.

Жером.

В чем дело?

Карно.

Курвуазье, тебе отлично известно, что на тебя косятся. Ты не впервые сегодня навлек на себя подозрение. Твое нерешительное поведение за последние несколько месяцев, твое безмолвное осуждение действий Комитета, самый факт твоего уклонения от участия в делах — заставляет относить тебя к числу врагов. Ни для кого не тайна твои истинные чувства. Только оказанные тобою услуги да заступничество Приора, Иоанна Доброго и мое, — ибо мы находим, что твои познания еще могут принести пользу делу национальной обороны, — только это спасало тебя от неминуемой кары. Но сегодня ты переполнил чашу. Твое позорно-песуразное выступление в собрании, твое стремительное бегство окончательно восстановили против тебя Комитет. Только что там произошла бурная сцена. Все мы возмущены до последних пределов. Большинство хочет раз навсегда покончить со скрытым противодействием, гораздо более опасным, нежели явное. Комитет предлагает тебе выбор: либо ты безоговорочно станешь на сторону новых мероприятий против эмигрантов, либо тебе придется разделить участь всех врагов революции. Я пришел сказать тебе: ты отправившись сегодня же в Иacobинский клуб и с высоты трибуны открыто выскажешься в пользу новых делов. Только это еще может спасти твою жизнь.

Жером

(спокойно).

Отказываюсь наотрез. Согласен с тобою: вот уже год, как мое поведение должно казаться подозритель-

ным. Еще сегодня я проявил смятение, недостойное меня. Но вслед за этим ряд обстоятельств, о которых не стоит говорить, вернули мне ясное сознание всей обстановки и спокойствие духа. Я буду счастлив понести, наконец, ответственность за свои деяния!

Карно.

Какие деяния?

Жером.

Я заклеймлю проскрипции и диктатуру крови.

Карно.

Ты этого не сделаешь. У тебя нет на это никакого права, да, пожалуй, нет и возможности.

Жером.

Мне это подсказывает моя совесть, и никто не может помешать мне пожертвовать жизнью ради моих убеждений.

Карно.

Только безумец может не сознавать, что, подрывая, в этот момент авторитет Комитета, он губит все наше дело, губит Республику.

Жером.

Нашим делом было стремление установить права свободного человека.

Карно.

Для того, чтобы человек был свободен, его нужно защитить от тех, кто хочет его поработить. Права личности ничто, если за ними не стоит государственная власть.

Жером.

Они ничто, если их приносят в жертву государственной власти.

Карно.

Сегодня они ничто, а завтра они будут всем. Надо уметь жертвовать настоящим ради будущего!

Жером.

Принести в жертву будущему истину, любовь, все человеческие добродетели, самоуважение — не значит ли это пожертвовать будущим? На пегодной почве никогда не пустит своих корней справедливость.

Карно.

Поговорим откровенно, Курвуазье. Мы с тобою люди науки. Мы оба знаем, как неумолимы законы природы. Ей нет до нас никакого дела. Она попирает все человеческие добродетели, если это нужно для осуществления ее целей. Добродетель, это — конечная цель. Я к ней стремлюсь и хочу ее достигнуть какой бы то ни было ценой. Не я назначил цену: я только вынужден был принять ее. Такое же отвращение, как тебе, а может быть — и большее, внушают мне эти лукавые и кровожадные люди. Чаще чем тебе мне приходится сталкиваться с ними, жить с ними бок о бок. Я с омерзением отношусь к насилиям, на которые они ежедневно испрашивают мое согласие. Но я не считаю себя в праве отказаться от применения этих мер устрашения и покинуть свой пост только потому, что я могу запятнать себя кровью. Я не уступаю из виду конечной цели затеянной нами борьбы. Ради прогресса человечества стоит пожертвовать своей щепетильностью и, если это необходимо, пойти даже на преступление.

Жером.

Я тебя понимаю, Карно. Я не осуждаю тебя за бессердечность. Наука, ты сам это сказал, подходит ко всему без жалости. Подобно тебе, я — враг излишней чувствительности. Но я также остерегаюсь всякой метафизики. Я старше тебя и уже не разделяю твоей веры в человеческий прогресс. Я слишком человек науки, чтобы безоговорочно принять одну из наших гипотез, а ведь это — только гипотеза. Как ни льстит она нашему сознанию и нашей пламенной вере в будущность человечества, я никогда не сделаю себе из нее кумира, требующего кровавых жертв. Единственное, что для меня священо, это — жизнь, жизнь каждого из нас.

Карно.

И ты жертвуешь своей?

Жером.

Я отказываюсь купить ее ценой чужих жизней.

Карно.

Их жизнь, во всяком случае, погибла.

Жером.

Свою я не считаю погибшей, если в подлые времена тирании и всеобщего малодушия мне удалось явить пример свободной души.

Карно.

Плевать мне на твою душу! Но я не могу не дорожить твоею жизнью. Мне нужна твоя голова, Курвуазье, нам необходимы твои научные труды, твой гений. Родина требует их от тебя. Ты мобилизован!

Ты не смеешь уклоняться и лишать нацию того, что ей принадлежит по праву.

Жером.

Я сожалею о том, что приходится прервать начатые труды. Стремление к истине — единственная страсть, которая никогда не влечет за собою разочарования. Терпеливые и ревностные поиски истины — единственное прочное благо на свете. Но в последние годы мы узнали, что надо быть готовым в любую минуту отказаться от всего, что нам принадлежит: от богатства, от чести, от счастья, от любви, от труда и от жизни. Я готов.

Карно.

Себялюбей! Даже жертвуя собой, ты думаешь лишь о самом себе!.. Я тоже готов пожертвовать своей жизнью, но твоею — не могу. Я не могу примириться с твоей смертью, Курвуазье!.. Во имя взаимного уважения и общности трудов, издавна связывающих нас друг с другом... согласишься на те условия, которые я тебе предлагаю для твоего же спасения!

Жером.

Не могу.

(Отходит в сторону.)

Карно

(пожимает плечами).

Задача! Дурацкая башка!..

(Выжидает с минуту, затем делает несколько шагов по направлению к Жерому и протягивает ему какие-то бумаги.)

Жером

(берет их и разворачивает).

Что это?

Карно.

Я был уверен заранее! Для меня не новость упрямство математиков... Ну, положи это себе в карман! Это два паспорта на чужое имя, для тебя и для твоей жены. Но нельзя упускать ни одного дня! Уезжайте из Парижа сегодня же! Если возможно, сейчас. Для вас оставлены два места в дилижансе, отправляющемся в Дижон, а оттуда в Сен-Клод. Прощайте, и чтоб духу вашего здесь не было!

Жером

(растроганный).

Карно!

(Пожимает ему руку.)

Но что толку бежать? Нас поймают на месте... Разве можно спастись от комитетских ищущих и от ненависти Робеспьера?

Карно.

Ему известно все.

Жером.

Известно? Ему? Неподкупному?

Карно.

Да. Неподкупному. Инициатива исходит от меня. И хотя он делает вид, будто ничего не знает, он дал мне на это свое молчаливое согласие. Твоя смерть, Курвуазье, поставила бы нас в затруднительное поло-

жение. Республике было бы не так уж приятно
взвалить себе на плечи твой труп. Он слишком тяжел
для всех нас. Окажи нам услугу и унеси куда-нибудь
подальше отсюда свое брненное тело! Комитет закры-
вает на это глаза. Но не заставляй нас снова открыть
их! Не попадайся нам в руки! Тебе этого не простят.

(Уходит.)

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

Жером де Курвуазье в задумчивости присаживается к столу.
Дверь сзади него осторожно открывается и появляется
Софи. Она осматривает пустую комнату и видит мужа,
сидящего к ней спиной.

Софи

(шопотом).

Они ушли?

Жером

(не оборачиваясь).

Да.

Софи.

О чем говорил с вами Карно?

Жером.

Ни о чем серьезном.

(Оборачивается.)

Не будем терять понапрасну ни мгновения. Дорога
каждая минута. Нам с вами нужно поговорить еще

о многом. Подойдите сюда, Софи. Нас не должен слышать человек, находящийся там.

(Он указывает на дверь, в которую вышел Вале.)

Вы любите его... Не возражайте! Я это знаю. Вы слишком искренни, чтобы быть в состоянии скрыть это...

(После короткой паузы.)

Хотя у вас не хватило смелости сознаться мне в этом.

(Она снова порывается что-то сказать, но он останавливает ее.)

Не волнуйтесь... Я не упрекаю вас ни в чем. Если вы на это не были способны, то никакая другая женщина не смогла бы это сделать. Я, ведь, знаю вашу прямоту и знаю, как слабо человеческое сердце. Мне вас жаль.

(Жером сидит не меняя позы. Софи стоит перед ним, понурив голову, совершенно подавленная его последними словами.)

Жером

(смотрит на нее с грустной улыбкой).

Как вы его любите!

Софи

(не поднимая головы).

Я люблю его.

(Краткая пауза.)

Простите меня.

Жером.

Вы свободны.

Софи

(поднимает голову и с мольбой протягивает руки к Жерому)

Жером! Скажите мне... Что делать?

Жером.

Мне нечего вам сказать. Каждый сам себе судья. Всякий отвечает за себя.

Софи.

Но вы будете презирать меня?

Жером.

Нет. У меня ни к чему нет ни ненависти, ни презрения. Никто не виноват. Виновата жизнь.

Софи

(протягивая к нему руки).

Но вы... вы будете страдать!

Жером.

Нет. В моем возрасте и в обстоятельствах, в которых я нахожусь, у меня уже не будет времени страдать. Думайте только о себе! Будьте счастливы, если можете.

Софи

(с отчаянием в голосе).

Жером!

(Она стоит, опершись на выступ камина, и рыдает, закрыв лицо руками. Жером, растроганный, встает с места, подходит к жене и отечески-ласково наклоняется над ней.)

Софи

(обращая к нему заплаканное лицо).

Увы! Мы любили друг друга. Почему проходит любовь?... Почему?... Простите. Я продолжаю причинять вам боль... Мой друг, я никогда не переставала относиться к вам с самым глубоким уважением.

Я предпочла бы затаить в себе до самой смерти свое страдание, чем заставить вас так страдать, как сегодня... Но вихрем налетела страсть и распахнула все двери. Она завладела мною и я бессильна бороться с нею. Что делать? Скажите, что мне делать? Могу ли я противиться ей? Разве так можно? Разве так можно? Разве это хорошо? Разве все так поступают?

(Жером с жалостью смотрит на нее, сочувственно ей улыбаясь. Он берет со стола оба паспорта, врученные ему Карно, и передает ей. Софи машинально берет документы и глядит на них, не понимая, в чем дело.)

Жером

Вы оба сегодня же уедете. Эти документы открывают пред вами ворота Парижа и все дороги Франции, до самой швейцарской границы. Все предусмотрено: визы в порядке и места в diligence для вас взяты. Вам будет нетрудно привести свой внешний вид в соответствие с особыми приметами, указанными в паспортах. Ступайте, предупредите Вале и собирайтесь как можно скорее. Надо, чтобы ночью вас здесь уже не было. Идите! Спасайте его жизнь и свое счастье!

Софи

(в крайнем смятении).

Мой друг!.. Вы хотите?.. Вы хотите?.. Нет! Это невозможно!

Жером

(спокойно).

Необходимо спасти Вале. Разве вы этого не хотите?

Софи

(страстно).

Да, хочу.

Жером.

Тогда уезжайте с ним. Без вас он, ведь, не уедет. И вы тоже не должны оставаться здесь без него. Я поручаю вас друг другу. Не теряйте времени! Отправляйтесь!

Софи

(склоняется перед Курвуазье, берет его руку и целует. Жером хочет ей помешать. Софи выпрямляется, но не выпускает его руки. Они стоят лицом к лицу, с нежностью глядя друг на друга.)

Вы слишком добры!.. Я не могу на это согласиться.

Жером.

Вы свободно можете это сделать. Между нами, ведь, нет никаких тайн.

Софи.

Я не могу вас покинуть.

Жером.

Ваше сердце уже не со мною, Софи... к чему нам иллюзии? Ваше сердце принадлежит другому.

Софи.

О, как тяжело подумать, что сегодня я беру назад у вас то самое сердце, которое некогда вам отдала навсегда!.. Я не хочу этого! Ах, как тяжело! Я не вольна над своим сердцем!.. Я ничего не могу поделать, я совсем утратила власть над собою!.. Как

чудовишно-быстро все изменилось! Еще вчера я принадлежала вам, я собиралась, как обещала, до конца дней своих делить с вами горе и радость. А сегодня я вас покидаю на половине дороги, чтобы взвалить себе на плечи бремя новой любви... Ах, и ей наступит когда-нибудь конец!.. Хватит ли у меня нравственных сил начать новую жизнь? Где мне взять веру в себя, веру в жизнь?... О, как тяжело!..

Жером.

Жизнь, угасающая каждый вечер и возрождающаяся каждое утро, скоро даст вам забвение и окрылит нас надеждами. Не думайте больше об этом! Идите! Время не ждет...

(Он слегка толкает Софи к двери комнаты, где спрятан Вале. Паспорта он передал ей еще ранее.)

Софи

(машинально рассматривает документы, и вдруг ее осеняет какая-то мысль).

Но откуда у вас эти паспорта?

Жером.

Не все ли равно?

Софи.

Как они к вам попали?

Жером.

Мне их дал Карно.

Софи.

Зачем?... Зачем он вам дал их? Они были изготовлены для вас. Для вас и для меня, для нас обоих.

Нам, значит, следовало уехать?... Какая-то опасность!.. Вам что-то угрожает!..

Жером

(стараясь разуверить ее).

Нет, нет... Никакой опасности.

Софи.

Если не было никакой опасности, зачем старался бы он доставить нам возможность бежать отсюда?

Жером.

Полно, оставим эти глупости! Не измышляйте себе несуществующих забот. Хватит с вас и настоящих. Думайте лишь о том, как бы спасти любимого человека!

Софи.

Любимого человека?... Курвуазье, я пошушукаю ваше имя, я еще ваша жена. Пока еще не разорваны соединяющие нас узы, по праву супруги и в силу правила, которое мы всегда соблюдали, я требую от вас полной откровенности... Вы обязаны сказать мне все. Говорите, ничего не утаивая.

Жером

(выдержав небольшую паузу, исполняет ее просьбу).

На нас донесли. Байо сообщил обо всем. Властям известно, кого мы укрываем. Ночью придут арестовать Вале.

Софи.

И вас.

Жером.

Меня сумеет защитить Карно. Не о чем больше разговаривать! Готовьтесь к отъезду. Оденьтесь потеплее. Захватите с собой самое необходимое. Я пойду позову Вале.

(Он идет к двери, когда Вале сам появляется на пороге. Вид его мрачен, одежда на нем в беспорядке.)

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ.

Вале

(беспокойным взором окинув комнату).

Уже ушли?

Жером.

Да. Но они вернутся.

Вале

(с тревогой).

Когда?

Жером.

Не знаю.

Вале

(все время переходя с места на место, осматривает комнату, заглядывает в окно, прислушивается у дверей).

Куда бежать? Где укрыться?

Жером.

Вале, мне нужно сказать тебе несколько слов.

Вале

(держится все так же, не слушая его).

Я не хочу возвращаться в этот тайник, в который ты меня спрятал! Я не могу так долго оставаться в полной неподвижности! Зажатый со всех сторон, я чувствовал себя там словно в гробу. Я слышал, как они шагали по комнате. Они шарпили по стене, за которой я лежал, не смея вздохнуть, не будучи в состоянии, если бы это понадобилось, поднять руку, чтобы защитить себя... Я не могу это вынести!... Я не вернусь туда.

Жером

(спокойно).

Ты туда и не вернешься. Выслушай, что я скажу тебе.

Вале

(с беспокойством).

Они еще придут, говоришь ты?

Жером

(спокойно).

У нас есть время побеседовать.

(Знаком предлагает ему сесть. Вале садится, но, слушая, что говорит ему Курвуазье он, вместе с тем, внимательно следит за всяким шумом на улице и за дверьми.)

Жером

(спокойно).

Я убедил свою жену уехать на некоторое время из Парижа. Ее здоровье за эту зиму пошатнулось. Она проведет два месяца в своей деревне на Сопе,

близ Клуни. Я должен был сопровождать ее. Но государственные дела не позволяют мне выполнить мое намерение...

(Вале вскакивает со стула, прислушиваясь к шагам на лестнице.)

Вале

(сдавленным голосом).

Идут...

(Минута молчания. Жером делает вид, что ничего не слышал. Софи прислушивается, сидя неподвижно перед камином, куда она только что подбросила полено. Вале, весь съехившийся, приготовился кинуться на того, кто войдет.)

Софи

(спокойно).

Это поднимаются во второй этаж.

(Вале садится на свое место.)

Жером

(продолжает, как будто никто его не прерывал).

... Я не могу сопровождать ее. Вот мой паспорт. Ты отправишься с нею вместо меня.

Вале

(ошеломленный).

Я!

Жером

(тем же тоном).

Таким образом, охраняя ее в пути, ты избежешь расставленных для тебя силков. Добравшись до ее

имения, в Клозинуа, ты будешь уже у самой границы.
А там — делай как знаешь.

(Вале встает, берет паспорт, протянутый ему Курвуазье, разворачивает и складывает его, не находя слов от волнения. В то время, как Жером беседовал с Вале, Софи прислушивалась к их разговору; она задумалась, посмотрела на обоих мужчин, затем бесшумно разорвала свой паспорт и кинула его в огонь. При последних словах Курвуазье, она встала и направилась к Вале.)

Софи

(Жерому, который делает ей знак молчать).

Нет, нет, дайте мне сказать... Нам больше ничего скрывать друг от друга.

(К Вале мягко, но вместе с тем решительно.)

Клод, моему мужу известны чувства, которые мы с вами питаем друг к другу. Я рассказала ему обо всем. Он великодушен и не препятствует мне соединить свою судьбу с вашей. Я приняла решение: по собственной воле я остаюсь с мужем. По собственной воле я отдалась ему навсегда. Моя сердечная привязанность к нему никогда не остывала. Я не могу покинуть его, не упав в своих собственных глазах. Человек, уважающий себя, не отступает от своего слова. Я пожелаю разделить с ним бремя целой жизни. Я хочу того же и теперь.

(Подходит к мужу и подает ему руку.)

Жером

(растроганный).

Я не имею права вас удерживать. Я погубил бы вас вместе с собою.

Софи

(шепотом, скороговоркой).

Молчи! Он не должен знать!

Вале

(с горечью).

Ах, вы никогда не любили меня!

Софи.

Я люблю вас, Вале. Я всегда буду вас любить, Но если мы не властны избежать страданий любви, в нашей воле не быть ее игралищем.

Вале

(с горечью).

Вы никогда никого не любили! Вам дорога лишь ваша гордость.

Софи

(кратко).

Мой друг, не будь у меня гордости, о которой вы говорите, не будь у меня этой многострадальной гордости, разве вы любили бы меня так, как любите? Разве вы могли бы долго любить меня, слабовольную, сбившуюся с пути женщину, отдавшуюся мимолетной страсти, нарушившую свое слово? Разве мы были бы счастливы? Нас преследовал бы призрак слишком недолговечного блаженства, страшный призрак увядающей любви. А разлюбив друг друга, мы оказались бы одиноки и чужды один другому.

Вале

(неистово).

Что нужды! Пусть недолго, вы все-таки были бы моей!

Софи

(с грустной улыбкой).

А там — вы погубили бы меня... Полноте, друг мой, не будем больше говорить об этом! Вам угрожает смертельная опасность. Давайте, подумаем лучше, как вам избавиться от нее.

Вале.

Я не хочу уезжать отсюда! Без вас я не уеду!

Софи.

Свой паспорт я бросила в огонь. Я уже не могу уехать.

Вале.

Во всяком случае, сегодня я не уеду. Я хочу провести эту ночь под твоим кровом.

Жером.

Властям известно, что ты укрываешься у меня. Не пробьет и полночь, как тебя арестуют.

Вале.

Нет! Ты хочешь меня обмануть! Ты лжешь!

Жером.

Ты сам сможешь убедиться во всем. Они могут явиться сюда с минуты на минуту.

Вале.

Это ложь!..

(Прислушивается.)

Я слышу их шаги!.. Нет!.. Я не хочу уходить!.. Я остаюсь!

Жером

(спокойно).

Что ж, оставайся! Ты готов умереть?

Вале

(весь задрожав).

Умереть!.. Нет! Нет! Не хочу! Не хочу умирать! Какой ужас!

Жером

(спокойно).

Не хочешь... Но, ведь не пройдет и часа, как тебя схватят... завтра утром будут судить, а вечером гильотинируют.

Вале

(вне себя от страха).

Завтра в это время быть только грудой мяса, которую свезут на свалку... Меня!.. Ни за что!.. Не хочу!... Спасите меня!..

(Он похож на сумасшедшего. Судорожно схватившись за спинку кресла, он тяжело опускается на пол.)

Жером.

Тогда готовься к бегству.

Он встает с места и, вместе с Софи, собирает кое-какую одежду и съестные припасы для Вале на дорогу. Вале медленно поднимается с полу, глубоко вбирает в себя воздух и, понурив голову, не решается взглянуть в лицо своим друзьям. Пока они суетятся, снаряжая его в путь он стоит, повернувшись к ним спиной, опираясь на кресло, лицом к зрителю.)

Вале.

Мне стыдно...

Софи

(подходит к нему и набрасывает ему на плечи плащ).

Мы спасем вас, друг мой!

Вале.

Мне стыдно...

Софи

(с материнской заботливостью закутывает его в плащ).

Вам нечего стыдиться! Я рада, что вам хочется жить. Я счастлива, что вам еще дорога жизнь.

Вале.

Я ненавижу ее и все-таки хочу жить. Я не могу, я не в силах отказаться от нее.... О боги! Что произошло со мною? Я не нахожу себе места от стыда... Чтобы увидеть вас, Софи, я тысячу раз бросался в объятия смерти, я никогда не знал страха, кроме страха потерять вас. А теперь, а теперь!... Я больше не в состоянии подумать о смерти... Нет, не смотрите на меня с такою жалостью! Какое отвращение должен я вам внушать!

Софи

(шопотом).

Никогда еще, мой друг, я вас так не любила!

Вале.

Ах, только увидав вас, я утратил свое мужество. Это произошло лишь потому, что я снова познал ценность жизни, от которой было отказался. Я уже не хочу умереть.

(Он явно удручен.)

Я трус. Мне страшно.

Жером

(подойдя к нему, участливо):

Не терзайся! Не упрекай себя в малодушии. Мы знаем, мой друг, что ты один из самых храбрых людей. Но и самый отчаянный храбрец все же человек. Ты напряг свои силы до невозможных пределов. Ты в течение пяти месяцев вел неслыханную борьбу. Тебя внезапно охватила смертельная усталость. Ты упал на землю. Но упал в разгаре боя. Удались с арены. Ты в праве сделать это с гордо поднятым челом. Ты должен это сделать! Покинь Париж! Уезжай из Франции! Не давайся в руки врагам! Соberись с силами для новой борьбы!

Вале

(мало-по-малу прибодрившись, поднимается и собирается уходить).

Но мы еще встретимся там?

Жером

(добродушно).

Я не бессмертен.

Вале.

Но вы, Софи... Как же?... Может быть, когда-нибудь?..

(Он умолкает, не докончив фразы и украдкой взглянув на Курвуазье; затем он наклоняется, прижимается долгим поцелуем к руке Софи и направляется к двери; на пороге он оборачивается, видит, что Курвуазье протягивает ему руку и, поколебавшись секунду, пожимает ее, не сводя взора с Софи.)

Прощай!

(Выходит.)

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Жером Курвуазье и Софи остаются одни. Совсем стемнело. Жером еще продолжает смотреть на дверь, за которой скрылся Вале. Софи, подойдя к окну, глядит сквозь занавес.

Жером
(добродушно).

По-моему, этот славный малый учел, как немного мне осталось прожить на свете.

(Идет к камину и зажигает факел.)

Софи
(покинув свой наблюдательный пост у окна, подходит к камину и говорит с нежной и грустной пронией):

Но он неверно рассчитал, сколько проживу я.

(Она оборачивается к мужу и протягивает ему руки. Он берет их и с нежностью глядит на нее.)

Жером.
Вы не сожалеете ни о чем?

Софи.
Нас паверное арестуют?

Жером.

Избежать ареста невозможно.

Софи.

В таком случае, все обстоит отлично.

(Высвобождает свои руки из рук Жерома. Оба усаживаются у камина, в котором угасает огонь.)

Жером.

Наш последний вечер.

Софи.

Точно тяжкий груз скатился у меня с сердца. Нечего решать. Не с чем бороться. Нечего желать. Остается только отдаться течению событий, все решающих за нас, ввериться темному потоку ночи.

(Жером вплотную подсаживается к ней и смотрит на нее с глубокой нежностью. Она прислоняется головою к плечу мужа. Так они сидят неподвижно, положив руки к себе на колени, задумчиво улыбаясь и глядя на умирающее пламя.)

Почти весь последующий диалог происходит вполголоса.)

Софи

(нежно и спокойно).

Мой добрый, мой милый Жером, с какой трогательной простотой вы пожертвовали собою ради меня!

Жером.

Это не значит жертвовать собою — желать счастья любимого существа.

Софи.

Да, я теперь счастлива.

Жером.

Вы хотите меня утешить.

Софи

(спокойно и неторопливо, хотя за последними ее словами чувствуется скрытый трепет).

Нет, мой друг, я говорю правду. Я оставила свои печали и горести на берегу, который мы с вами покинули. Ах, с каким облегчением следишь, положив голову к вам на плечо, как с каждым мгновением увеличивается расстояние между ними и мною... Оставайтесь на месте! Не трогайтесь!.. Что за радость покинуть этот ад, который люди называют жизнью, со всеми его страстями, безумствами и страхами!

Жером

(кратко).

Этот ад еще не надоел нашему другу Вале.

Софи

(тем же тоном, слегка улыбаясь, как и Жером).

Бедняжка!.. Как он жадно стремился снова ринуться в эту пучину!.. Как, по-вашему, удастся ему спастись?

Жером.

Надеюсь.

Софи.

Какое счастье!.. Но я боюсь, что он будет убит горем, когда узнает о нашей участи.

Жером.

Жизнь возьмет свое.

Софи.

Да, я надеюсь... Бедный Вале!

Жером.

Помните, Софи, сколько долгих вечеров провели мы в этой комнате? Сидя с книгой за столом, мы смотрели, как я работаю, я смотрел на ваше задумчивое лицо, и мы оба погружались в мечты, ибо все на свете—только мечта: наши мысли и труды, наука и любовь. Поочередно мы делились друг с другом мечтами, и как часто, удрученный какими-нибудь сомнениями, я прибегал, моя добрая советница, к вашему ясному уму....

Софи.

Помню все, начиная с первого же вечера, когда еще молодой женщиной я вступила в этот старый дом. Нас только что обвенчали. И хотя ваше имя уже тогда было окружено славой, вы побаивались меня, потому что я была совсем юной, а вы были уже пожилым человеком. Когда мы остались одни, вы подошли ко мне и еле слышно сказали: «Простите мне мою любовь к вам».

Жером.

Простили ли вы меня?

Софи.

Мое сердце было охвачено глубокой благодарностью, как и сегодня, в наш последний вечер. Простите вы меня, что я забыла о ней!

(Наклоняется к Жерому, который целует ее в лоб.)

Жером.

Я тоже, дорогая Софи, забылся... Я позабыл о своем долге быть мужественным и искренним до конца: в каком состоянии расслабленности я находился еще в момент, когда пришел домой. Лишь сознание, что я теряю вас, вернуло мне мою всегдашнюю решительность.

Софи.

Мы заблудились оба в этом лабиринте потрясенного в своих устоях мира... Да будет благословен последний наш час, в который мы снова обрели друг друга и самих себя!

Жером.

Но теперь мы у цели... Прислушайся! Сюда идут... В безлюдной уличке звучат приближающиеся шаги...

Софи

(в новом приступе тоски).

Но как же все наши великие замыслы, все наши обманутые надежды, все наши рухнувшие труды, все, чему наступает конец вместе с нами...

Жером

(прислушиваясь).

Они поднимаются по лестнице...

Софи

(с тоскою).

Если бы, по крайней мере, мы оставили после себя ребенка!.. Зачем, зачем была дана нам жизнь?..

Жером

(с непоколебимой уверенностью).

Чтобы одержать над ней победу.

(Пауза. Оба встают. Софи, опираясь на руку Жерома, смотрит на него с улыбкой, выражающей покорность судьбе. Они продолжают так стоять рядом до конца сцены: Софи — прислонившись головой к плечу Жерома и оба — не сводя взора друг с друга. Они даже не обращают внимания на открывшуюся дверь, сквозь которую слышны приближающиеся голоса.)

Софи

(с грустной улыбкой).

Победа.... Прощайте, друг мой. *«Все лавры сорваны...»*

(Грубый стук в дверь.)

Жером

(с глубокой нежностью).

«Красавица сейчас их соберет в кошицу...»

Софи

(показывая на стол, где лежит ветка сирени, оставленная еще во время первой сцены).

Нет, лучше дайте мне эту ветку увядающей сирени!..

(Курвуазье подает ей ветку, к которой она прижимается устами. Дверь распаивается. Входит отряд вооруженных людей.)

	СТР.
Предисловие	5
Любовь и смерть:	
Сцена первая	15
» вторая	48
» третья	64
» четвертая	79
» пятая	84
» шестая	89
» седьмая	91
» восьмая	97
» девятая	100
» десятая	109
» одиннадцатая	117
» двенадцатая	126

ЛЕНГИЗ ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

Ленинград, Дом Книги, Проспект 25 Октября, 23. Тел. 132-44, 570-14.
Москва, Тверская, 51. Тел. 3-92-07, 4-90-35.

Серия „НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“

ПЬЕР АМП

ЗОЛОТОИСКАТЕЛИ

Перевод А. А. Поляк. Под редакцией Бенедикта Лившица. С предисловием Ренэ Маршана. Стр. 167. Ц. 70 к.

ЛИЛЬСКИЕ ТКАЧИ

Перевод с французского А. А. Поляк. Под редакцией Бенедикта Лившица. Стр. 129. Ц. 60 к.

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

Пер. О. Брошниовской. Под ред. Б. Лившица. Стр. 223. Ц. 75 к.

КНИГА ВТОРАЯ

Перевод под редакцией Бенедикта Лившица. Стр. 171. Ц. 70 к.

РЕЛЬСЫ

Перевод Р. В. Иванова. Под редакцией Ф. Сологуба. Стр. 251. Ц. 1 р.

Несомненно один из интереснейших писателей современной Франции, Амп, впервые предстает перед русским читателем, который должен встретить его с особым интересом. Огромную силу художественного слова Амп совмещает с таким острым восприятием современности, такой темпераментной борьбой против европейского капитализма, что в ряду современных социальных писателей ему принадлежит одно из почетнейших мест.
(„Звезда“.)

Амп — интереснейшее явление современной французской литературы. Грандиозность творческого размаха, глубокое своеобразие мастерства, удивительная цельность и сила — делают его крупнейшей фигурой литературного горизонта.
(„Книгоноша“.)